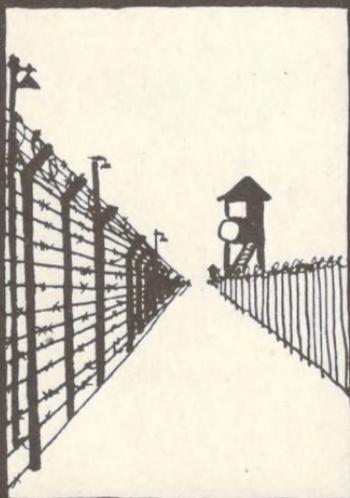

Р2 910
Г65

Олег
ГОНОЗОВ

Судьбы на ветру

Олег ГОНОЗОВ

от автора

Олег Гонзов

D2.96
r65

31.03.2016.

СУДЬБЫ НА ВЕТРУ

РАССКАЗЫ

Муниципальное учреждение культуры
"Централизованная библиотечная
система города Ярославля"

Ярославль
Верхне-Волжское книжное издательство
1991

73 669 - 13

ПО СТАТЬЕ 117-Й

Он лежал на холодных деревянных нарах и пристально смотрел в потолок. Поверхность потолка пестрела выцарапанными надписями. Одни обозначали чьи-то клички, другие — статьи уголовного кодекса, третьи — срок. Тут были и совсем неразборчивые каракули, и выведенные аккуратно слова, словно их писали не на потолке, а на разлинованном листе ватмана.

Некоторые запоминались. Например, «Метелек. Статья 206, часть 2 УК РСФСР». Что за Метелек? Игорь не знал и даже не слышал в своем городе такой фамилии. Метельков, что ли, а, может, Метелкин? Но это интересовало меньше всего. Куда важнее было осознавать, что находился здесь до него некто Метелек, лежал на истертых облупившихся нарах и вот так же смотрел в потолок.

Встать тут в полный рост невозможно: потолок очень низко. Обычное состояние арестованного — сидеть или лежать на нарах. Можно, конечно, стоять в пространстве между нарами и дверью, но здесь настолько тесно, что едва умещается параша...

Судя по надписям, кроме Метелька до Игоря тут сидели: «Патуха, статья 145, часть 2», «Вага, статья 144. Лиш с половиной года», «Мерзя», «Седой. Вторая ходка», «Лиша», «Грива» и еще черт знает кто.

Окрашенные зеленой краской стены, обитая железом дверь и даже сами нары — все обезображено надписями, состоящими в основном из непечатных слов. Именно на двери красовалось выцарапанное изображение руки с финкой и инициалами «Ж. М.», рядом с которыми безвестный преступник приписал «жопа мужская». Стены камеры походили на общественную уборную, где несовершеннолетние парни и юнцы играют в изображение пикантных подробностей и детородных органов. Эта-то вот темная, сырая, ховощная, два метра в ширину и три — в длину, с малюсеньким решетчатым окошечком под потолком каморка и представляла камеру предварительного заключения.

Игорь закрывал глаза — грязный, закопченный спичками потолок исчезал, но надписи бередили сознание.

Метелек, Мерзя, Седой... 206, 144, 89-я... Полтора, три, четыре года. Семь лет. Но чаще: два, два, два... Иногда, словно крик отчаянья, прорывалось: «первая ходка!» или «не поминайте лихом!» Но самой страшной надписью была: «Прощай, братва, мне вышка!» Кто знает, правда это или нет, но надпись сохранилась.

Игорю тоже хотелось что-нибудь накарять, например, свое имя и фамилию. Пусть все знают, что здесь сидел Игорь Стрельников. Но полностью фамилий на стене не встречалось — только клички и прозвища, по которым при желании можно догадаться о фамилиях. Сокол наверняка Соколов. Зима — Зимин. А кто такой Мерзя или Грива? Тут есть повод для фантазии, но каждое слово хочется повторить, поддержать на языке, прежде чем отпустить. Ме—те—лек. Словно мотылек. И видится симпатичный резковатый паренек лет восемнадцати.

В дверь постучали ключом, и в волчке показался глаз дежурного милиционера.

— Кипяток! — гаркнул он. — Кружку подставляй!

Игорь спрыгнул с нар и, не понимая, что от него требуется, взял алюминиевую кружку. В волчок просунулся носик чайника, и прямо на бетонный пол потекла струя кипятка.

— Спишь, что ли? — рывкнули из-за двери.

Игорь догадался подставить под струю кружку. Когда она наполнилась кипятком до краев, крикнул:

— Хорош!

Носик чайника убрался.

Обжигая губы, небо и десны, Игорь стал глотать крутой кипяток. Пить его оказалось невозможно, только глотать. Но зато в желудке появилось ощущение теплоты, словно там включился микробоогреватель.

Потом Игорь снова лежал, вслушивался в тишину и смотрел в потолок. Когда смотреть надоело, он закрывал глаза и пробовал задремать. Он находился в камере уже часов десять, все время не расставаясь с мыслью, что его выпустят, — железная дверь откроется, и тот, кто приносит кипяток, басовито скажет: «Свободен! Выметайся отсюда!» Но этого не происходило. Дверь не открывалась, а дежурный лишь поглядывал на него в волчок и ничего не говорил.

Устав лежать на спине, Игорь сел, свесил с нар ноги. Потом подошел к параше и, сняв с многолитровой фляги

крышку, расслабленно помочился. Мерзкий запах от параши усилился, она была почти что полная.

Игорь снова лег. В желудке урчало. К горлу подступала изжога. Он не привык так долго не есть. Но больше всего беспокоила неопределенность. Стоило немного задремать, отключиться, как тут же наступало пробуждение. Так бывает, когда чувствуешь опасность — весь организм напряжен, собран. В голове прокручиваешь десятки вариантов в бесконечном поиске выхода, а выхода нет. Есть только темная мрачная камера: четыре стены, потолок и эти дурацкие надписи: «Метелек, Грива, Седой, Мерзя...»

Игорь уже выучил их наизусть. Мог с закрытыми глазами показать, где очень тонко и изящно выцарапано «Метелек», а где жирно и размашисто «Грива». «Мерзя» написано на потолке, там же «Седой». И если закрыть левый глаз, то исчезнет слово «Мерзя», закрыть правый — пропадет слово «Седой». Так они и пропадали по очереди, потому что заняться Игорю было больше нечем, как только открывать и закрывать глаза. Наконец, он уснул. Но назвать это нормальным сном не поворачивался язык. Кошмар какой-то. Очнувшись, Игорь вытер со лба холодную испарину, зябко поежился и, взглянув на тускло светящую за решеткой лампочку, с ужасом вспомнил, что он в камере. Сколько он проспал, неизвестно, но скорее всего должно наступить утро следующего дня.

2

Весь летний сезон, почти что до самого октября, Игорь Стрельников играл на бас-гитаре в городском парке. Вокально-инструментальный ансамбль «Красны молодцы» считался одним из лучших. Попасть в его состав — все равно что пролезть в игольное ушко, но Игорю повезло. Прежнего бас-гитариста в конце мая призвали в армию, срочно потребовалась замена, и тут уже стало не до выбора — кого бы только найти. Сыгратья с основным составом большого труда не представляло: на танцевальной площадке «чесали» то же, что и в ВИА техникума сельского хозяйства, к которому Игорь имел самое непосредственное отношение, состоя в нем не только бас-гитаристом, но и единственным солистом.

Весь репертуар заимствовали у «Песняров». Подражали им и «Битлз». Это считалось последним криком моды. Особенно «забойными» казались медленные композиции.

От их исполнения по телу бежали мурашки. «А у поли вярба вся зеленая», — с белорусским акцентом старался тянуть Игорь. Каждое слово доставало до нутра, будто острой иголкой расковыривали засохшую болячку. Визгливо вступала соло-гитара, ритмично постукивала колотушка ударника, и молодежь спешно разбивалась на пары, юноши приглашали девушек и, переминаясь с ноги на ногу, топтались на одном месте под музыку.

После медленного танца обязательно шел быстрый. Ударник отсчитывал вступление, и, словно преобразившись, Игорь чуть ли не кричал в микрофон: «Косив Ясь конюшину, косив Ясь конюшину — поглядал на дявчину...» Он не задумывался над тем, о чем поет, потому что большинства слов просто не понимал.

В «Красных молодцах» пели то же, за исключением, может быть, пяти — шести вещей на английском языке, вроде «Желтой реки», которую уже давно освоили порусски: «Малыши просят Карлсона: рассмеши нас, пожалуйста». На английском она звучала убедительнее, хотя, если честно признаться, в «Красных молодцах» никто толком английского языка не знал. Переписывали с магнитофонной записи каждое слово по буквам. Но даже при таком коллективном творчестве некоторые места было совершенно не разобрать, их пропускали, заменяя бессмысленным набором похожих звуков.

Первые дни своей работы в «Красных молодцах» Игорь скромно держался в глубине сцены, следил за колотушкой ударника и думал о том, как бы не дать петуха, не сбиться. От такой напряженки его иногда начинало трясти, но через месяц он осмелел — стал прорываться к микрофону и, благо ему этого никто не запрещал, вместе со всеми, краснея от натуги, подпевал основному составу. В самых «забойных» местах публика орала так, что можно было оглохнуть. Орать и свистеть, сунув в рот два пальца, здесь умели не только парни, но и девушки.

Плотненько накачавшись «Солнцедаром» — дешевым разливным вином по восемьдесят копеек за пол-литра, — пришедшие на танцы искали приключений и чуть что пускали в ход кулаки. Когда начиналась «махаловка», музыканты прекращали игру до тех пор, пока не появлялись милиционеры или дружинники. Самых явных заводил брали под руки и сажали в милицейский «бобик», а другие участники потасовки, окровавленные и перепуганные, тем временем разбежались кто куда. Сыграв

еще две — три вещи, «Красны молодцы» удалялись на заслуженный получасовой перерыв.

В кандейке, как они называли репетиционную комнату, в которой хранились инструменты, двоих «молодцев» поджидали жены. Они всякий раз приходили во второй половине танцевального вечера, забирались в кандейку и, ревностно прислушиваясь к происходящему на сцене, бойко орудовали вязальными спицами. Они не обращали внимания ни на лабухов, как звали других музыкантов, заходивших в кандейку перекурить, поделиться музыкальными новостями, ни на навязчивых девиц, заглядывающих в дверь без всякого повода, ни даже на своих мужей — они вязали. А лабухи болтали о том, как кто-то «отчесал» свадьбу и попал «на шару» за стол. У них был свой, только им одним понятный жаргон, не навязчивый, не грубый и уж никак не матерный, но запоминающийся до такой степени, что вскоре Игорь тоже стал говорить «бабки» вместо деньги, «чувак» вместо парень, «не хляет» — значит, не проходит.

Кандейка задыхалась от сигаретного дыма. По кругу пускалась трехлитровая банка теплого, как моча, пива. Чужаки просили «Красных молодцев» дать им возможность сбачать что-нибудь на публику, но это не приветствовала администрация горпарка. «Никаких посторонних!» — гласил строгий приказ директрисы. Гостям приходилось отказывать, но они не очень-то и обижались.

После перерыва «Красны молодцы» поднимались на сцену и, словно подзарядившись пивом и куревом, «давали чесу». Колонки трещали, у гитар обрывались струны, от дождевых капель разрывались висящие над танцплощадкой электрические лампочки — стекла летели во все стороны.

Став солистом горпарковского ВИА, Игорь Стрельников почувствовал себя местной знаменитостью. Его узнавали, за его спиной перешептывались. Когда шел по аллее к танцплощадке, девчонки, сидящие на скамейках, подхихикивали, просили сигаретку, пробовали завести знакомство. Чувствуя это, Игорь начал следить за своей внешностью. Перво-наперво перестал стричься и отрастил длинные, достающие до ворота рубашки волосы. Такая стрижка называлась «Гаврош» и пользовалась популярностью как у девчонок, так и у парней. Заказал в ателье мод брюки-клевш с вставными клиньями из темно-синего бархата. По ним нашил около десятка металлических

пуговиц. Купил пеструю ярко-оранжевую рубашку с удлиненным воротником и манжетами. И к августу стал центральной фигурой «Красных молодцев».

Высокий, складной, с вьющимися жесткими, словно проволока, волосами, легкой походкой Игорь появлялся на обсыпанной пожухлыми листьями аллее горпарка за час до начала вечера. Он шел с ощущением, что все, чего бы он ни захотел, достигнет без особого труда. Шел и чувствовал на себе затаенные взгляды прогуливающихся возле фонтана или скучающих на скамейках девчонок. Вместе с другими музыкантами вытаскивал из кандейки инструменты и колонки, не спеша настраивал гитару, крепил стойки микрофонов — и все это под неослабными взглядами тех, для кого он собирался играть. Темнело. На сцене загорались прожектора, и начиналось...

Почти каждый день Игорю передавали записочки с предложением дружить. В знак согласия от него требовалось исполнить ту или иную песню, чего он никогда не делал. И все же сердце у него замирало. Глядя со сцены на танцующих, он то в самых красивых, то в самых скромных посетительницах танцплощадки пытался угадать авторов записок. Впрочем, в некоторых посланиях, случалось, содержался явный подвох. Ну, кто бы, например, пошел на встречу с любимой в час ночи к городской бане, как того требовала Лена К., или в пять часов утра — к зданию Дворца бракосочетания? Принимать такие записочки всерьез все равно, что написать у себя на лбу «дурак» и ходить по городу.

Старшие «молодцы» учили его не спешить. «Всему свое время, — говорили они, — еще влюбишься и женишься, а пока найди себе какую-нибудь смазливенькую порюшку и пользуйся на здоровье». От слова «порюшка» у Игоря начинали краснеть щеки, но от ребят можно было услышать и не такое. В отсутствии жен они всякий разговор сводили на баб. Толстые же, оплывшие, вечно прокуренные жены музыкантов занимались вязанием. Они делали это с таким упорством и трудолюбием, как будто собрались связать огромный многометровый свитер и попасть в книгу рекордов Гиннеса. Шутили они убого и примитивно, как и мужья. Сальные анекдоты с непечатными словами приводили их в восторг, на колкости мужской половины отвечали тем же самым.

Слушая их, Игорь порой не знал куда деваться. Он понимал, что врожденная нерешительность мешает ему

познакомиться с хорошей девушкой. Слишком скромных, прячущих глаза в землю, он обходил стороной, потому что считал забытыми. Гулящих же избегал, боялся чужой опытности, превосходства и насмешек. От таких не знаешь что ожидать. Только Танька Росомахина чего стоит: вельветовая юбка — одно название, лишь трусы прикрыть. А посмотрит Игорь со сцены на танцующих — сразу на нее натывается. Выйдет после перерыва — опять ее ищет, и так до самого конца танцевального вечера.

Друзья из «Красных молодцев» считают Росомаху шлюхой. И все из-за ее слишком короткой юбки. Пусть. За границей везде мини носят. А у Татьяны ноги длинные, стройные, чего стесняться? И фигура у нее что надо, в школе, наверное, легкой атлетикой занималась. А вот глаза хоть и голубые, а наглючие. Одним словом, палец в рот не клади — откусит.

Стоит Игорь у микрофона, набирает бог знает что.

Луи, Луи, Луи, Луи-и-и-и...

Луи, Луи, Луи, Луа-а-а-а...

А сам Росомаху глазами ищет, высматривает, с кем она стоит, с кем разговаривает, с кем танцует. На медленные танцы ее многие приглашают, но не со всеми она идет. За весь вечер разве уж какому-нибудь одному настойчивому пареньку сделает одолжение. Потанцевать с ней за счастье.

И вот как-то знакомые ребята передали Игорю, что Таня Р. хочет с ним познакомиться. То ли поспорила с кем, то ли так с языка слетело, но Игорю этот разговор передали. И сам он стал замечать, что черное кожаное пальто Таньки все ближе к сцене мелькает, а вскоре Росомаха и вовсе среди сидящих на ней оказывалась.

Многие завсегдатаи танцплощадки любят посидеть у всех на виду. Но Танька, как чувствовал Игорь, сидела на сцену не только для того, чтобы порисоваться, а в первую очередь, чтобы он заметил и заговорил. Сидит к нему спиной, ногами в вельветовых тапочках болтает, такая безучастная и равнодушная до всего, а как взглянет в его сторону — словно обожжет. И дальше молчит, ждет, когда он с ней первым заговорит. Игорь же и рад заговорить, но нужно играть, а в перерывах Росомаху с танцплощадки как ветром сдувает.

И все же однажды, когда на сцену пришли студенты из стройотряда и попросили дать им немного поиграть,

пользуясь случаем, Игорь решил пригласить Таньку на медленный танец. Он был в прекрасном настроении и к тому же слегка выпивши. Это добавляло уверенности. Спрыгнув со сцены, он взял Росомуху за руку и потянул танцевать.

Домой пошли вместе. Моросил теплый летний дождь. Где-то, словно сгружали с машины бочки, гроыхала гроза. Редкие вспышки молнии высвечивали кроны темных тополей и мокрое шоссе. Прячась под крышами домов, Игорь с Татьяной мелкими перебежками пробирались к общежитию фабрики «Красный маяк». Дождь усиливался. Он лил словно из ведра, и пришлось-таки спастись в подъезде старого деревянного особняка.

В темноте Игорь не видел лица девушки, но безошибочно находил своими губами ее пахнущие дождем губы. Он еще не умел целоваться и больше стыдливо тыкался носом в ее мокрые щеки. Тогда Танька поцеловала его сама...

3

Летний сезон в горпарке закончился, «Красные молодые» распались, а Игорь с Танькой все болтались по пустынным аллеям, сидели на выщербленных скамейках, бесконечно целуясь и обнимаясь.

В парке стояла тишина, словно на дне глубокого колодца. Сооруженная на высоком постаменте карусель «Воздушное колесо» напоминала о прошедшем лете своим поскрипыванием. Фонари не горели, но в парк тянуло как магнитом.

В техникуме Игорю не сиделось, он весь был в еще осязаемых Танькиных объятиях. Все поля в тетрадях были исписаны ее инициалами, которые он заключал в нарисованное сердечко, проткнутое стрелой. Буквы «Т. Р.» обретали магический смысл. Он мог смотреть на них часами, и, когда его вызывали отвечать, Игорь говорил невпопад, путался в ерундовых вопросах.

Зато вечером они спешили в горпарк, на веранду читального зала, где уже давно облюбовали место на скамейке, заслоненной от чужих взглядов кустами акации. И однажды, когда чувство взаимной любви и теплоты стало неуправляемым, случилось то, что и должно было произойти.

С того раза каждый вечер у них завершался одинаково, но это ничуть не надоедало И только первые замороз-

ки вытеснили их с облюбованного в полном смысле слова места в подъезд ближайшей пятиэтажки.

В темном углу под лестничным маршем, где стояла батарея центрального отопления, было тепло и уютно. Лучшего места зимой не найти. Вход в подъезд с небольшим тамбуром, и если кто-то хлопал первой, наружной, дверью, то, когда открывалась внутренняя, они уже успевали принять невинную позу целующейся парочки.

Учиться Игорь стал лучше, старательнее и даже собрал из первокурсников новый ВИА, с которым играл на свадьбах, куда их часто приглашали. Жизнь обретала стабильность, что случается в юности довольно редко.

Но когда все складывается очень хорошо — жди беды. Таньке надоела роль девочки для развлечений в темном подъезде, ей хотелось большего. Они стали ссориться все чаще. В конце концов, Игорь приходил к ней только выпивши, что внесло в их отношения еще больший разлад. Татьяна начала избегать встреч с ним, из общежития не выходила, на телефонные звонки не отвечала. Игорь расценил все это однозначно: нашла себе другого. Оставалось только узнать, кого.

И вот «отчесав» очередную свадьбу, в состоянии изрядного подпития едва держась на ногах, Игорь пришел к общежитию. Голова гудела, внутри мутило, он попытался засунуть в рот два пальца, чтобы его вырвало, но ничего не получалось. Он смутно различал стоявших возле входа в общежитие парней, изо всех сил стараясь понять, о чем они говорят.

— А помнишь, как Росомаху на лодочной станции «хором тянули»? — говорил самый здоровый парень.

— Я еще трепак подцепил.

— Это ты от Зиночки, — уточнил приятель.

— Не скажи. Зиночка тогда еще цэ была!

— У тебя все девочки после семи абортвов...

Парни засмеялись, и в смехе их чувствовалось что-то мужицкое, грубое. Они и выглядели по-дурацки. Один, несмотря на мороз, в болоневой курточке и резиновых сапогах, словно на охоту вырядился. Другой — в черной телогрейке, с поднятым воротником, без шапки, волосы короткие, как у уголовника. Третий, наоборот, патлатый, с небритой физиономией, весь из себя приבלатненный. Такие обычно носят в кармане нож и пустить его в ход для них нет проблем.

Связываться с парнями и выяснять отношения Игорю

не имело смысла, но запавшая в сердце обида от услышанного про Таньку не давала покоя. Его даже вытошнило. Откуда ему было знать, что, признав в нем Танькиного ухажера, парни нарочно разыгрывали его. Игорь же этого не понимал и решил во что бы то ни стало отомстить Росомахе. Будет знать, как мозги пудрить...

Ворвавшись в общежитие и увидев, что вахтерши на своем месте нет, запинаясь и падая, Игорь кинулся по лестнице на второй этаж.

— Да я не к вам, дуры! — горланил он, отбиваясь от остановивших его девчат. — Мне Танька Росомахина нужна!

— Да ведь это Игорь Стрельников, — шушукались девушки.

— Надо же, как напился, на ногах не держится.

— Тот, что в «Красных молодцах» пел?

— Он самый.

Татьяна смотрела в красном уголке по телевизору КВН, но, услышав голос Игоря, тотчас же вышла:

— Ты чего тут устраиваешь концерты? — уже в своей комнате спросила она. — Совсем совесть потерял?

— А ты чего устраиваешь? — Игорь запер дверь на ключ.

— Придешь трезвый — тогда поговорим.

Но уходить Игорь не собирался. Поднявшаяся в нем страсть требовала удовлетворения, и он стал заваливать Таньку на кровать. Та не поддавалась, царапала Игорю лицо, шею, кусалась:

— Лучшее отстань! — из последних сил кричала она.

А через несколько минут, выбив дверь, в комнату влетели три милиционера, скрутили ему руки и увезли в горотдел милиции.

4

Утром Игоря наконец-то вызвали к следователю прокуратуры. Следователем оказалась симпатичная русоволосая женщина лет сорока пяти, но казенная обстановка кабинета и зарешеченные окна действовали удручающе. Он думал, что его отпустят, а получалось, что все еще только начинается:

— Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения, род занятий, — со скучающим выражением лица спросила следователь.

Игорь ответил.

— Расскажите в подробностях, по часам, что вы делали в день совершения преступления? Как и при каких обстоятельствах познакомились с Росомахиной Татьяной Геннадьевной?

Первое время своего пребывания в камере Игорь все еще рассчитывал, что до суда его выпустят под расписку о невыезде, а там он сумеет договориться с Татьяной, как им поступить, но, когда в камеру бросили двух мужиков, привезенных на суд, те объяснили ему, что «поезд уже ушел» и «греть ему на зону», ибо более трех суток без санкции прокурора в КПЗ держать не имеют права.

Один из них, неопределенных лет, щупленький, с рябоватым лицом, сразу почувствовал себя в камере хозяином.

— Попов, — представился он и подал Игорю широкую пролетарскую ладонь. — Держи «краба»...

Он был не только старше и наглее своего приятеля, но чувствовал себя в камере, как дома.

Длинный угловатый Леня сторонился Попова. Он слегка заикался и в споры с ним не лез. Тот же дозорял парня:

— Ты, Леня, не бзди! Больше пяти лет тебе за разбитую машину не дадут. Детский срок. Всего-то пять пасок, а если будешь себя хорошо вести, наденешь в колонии повязку СВП, глядишь, и по двум третям выпустят.

— Ладно тебе, — почему-то обижался Леня.

А Попов тем временем уже вскочил на нары, пошарил рукой за решеткой возле лампочки и закурил добытый «бычок». Потом спрыгнул на пол, оправился в парашу:

— Во бля, дожили: поссышь и то приятно. А ты, хлопец, за что сидишь?

— Да так, — ушел от ответа Игорь.

— Раз так — перетакивать не будем. — Попов бросил на нары фуфайку и, устроившись поудобнее, стал выковыривать спичкой грязь из-под ногтей. Воцарилась тишина, но не успел Игорь закрыть глаза, как, отхлопывая по ляжкам в ритм слов, Попов остервенело запел:

Были мы домушники,
Были мы карманники —
Корешок мой Сенечка и я.

— Так ли, Леня?

— Т-так, т-точно, дядя Коля.

Когда их повели на opravку в уборную, первым на правах старшего вышел из камеры Попов. За ним Леня, но дежурный милиционер остановил его:

— А кто парашу потащит?

Пришлось Игорю с Ленией брать полную, до самых краев, флягу с мочой и нести ее выливать в уборную. Попов, пританцовывая, шел впереди и пел:

И поеду я без чемодана
Лес валить в районы Магадана...

Вернувшись в камеру, он ни минуты не мог сидеть спокойно — то искал какую-то «мойку», чтобы сбрить щетину со скул, то грыз ногти, то приставал к Лене или Игорю:

— Ты малолетка?

— Как это? — не понял Игорь.

— Восемнадцать есть?

— Летом исполнится.

— Тогда малолетка. 206-я статья?

Игорь промолчал.

— Может, кража? Разбой? Грабеж? Что же тогда у нас, Леня, остается? — Он перемигнулся с приятелем.

— Н-наверное, 117-я.

Игорь потупился, словно его уличили в чем-то постыдном.

— Позорная статья-то, — сплюнул Попов. — Не хватало еще за ссаную дыру срок мотать...

В течение недели Попова и Леню осудили и увезли в следственный изолятор. Игорь остался в камере один. За это время его сводили на судебно-медицинскую экспертизу, где парень, может быть, лет на семь старше его, внимательно переписал все царапки, что украшали шею Игоря, потом у него сняли отпечатки пальцев, допросили и, наконец, тоже отправили в следственный изолятор.

Ополоснувшийся в тюремной бане, переодетый в черную казенную спецодежду, с матрасом в одной руке и завязанными в мешок продуктами — в другой, он переступил порог камеры. Трое коренастых парнишек с помощью деревянных челноков вязали хозяйственные сетки. По углам стояли две двухъярусные койки, третья, одноярусная, находилась напротив унитаза. Из-за тесноты парнишки сгрудились в центре камеры и на вошедшего не обратили внимания.

Игорь поздоровался, свалил матрас на крайнюю койку,

заправил ее бельем и застелил черным, прожженным в нескольких местах одеялом. Сел.

К обеду он уже знал, как зовут ребят и за что их посадили. Вадика — за угон мотоцикла. Сергея — за драку. Костю — за кражу. Все они оказались из сельской местности. Пришлось рассказать и о себе:

— У меня 117-я, — сказал он. — Изнасилование. — И зачем-то добавил: — Крупного рогатого скота со смертельным исходом.

Парнишки рассмеялись, а Сергей даже не поверил: — Не треплись, так уж и за изнасилование? Забожись-ка: щелкни ногтем о зуб. Если соврешь, то зуб наш...

— Пожалуйста, — Игорь щелкнул.

Вечером, когда все лежали на своих шконках, Игоря упросили рассказать об изнасиловании. Ничего подобного у его сокамерников в жизни еще не случалось, и они завидовали ему.

— Чего тут интересного? — набивал цену Игорь. — Обычное дело.

— А она красивая?

— Чувиха, что ли? Крутая. Танькой зовут.

— Расскажи, как ты ее, — просили ребята, и Игорю не оставалось ничего другого, как только в меру своей фантазии и воображения сочинить красивую историю с картинками. Ребята балдели. По их дыханию и движению одеял Игорь догадывался, что, слушая его рассказ, они потихонечку онанируют. Это была их маленькая тюремная радость, которую каждый скрывал. Вскоре и сам Игорь, просыпаясь среди ночи, начал заниматься мастурбацией. Он представлял Таньку, и это доставляло дополнительное наслаждение.

На обратной стороне алюминиевых мисок, в которых приносили обед, ребята выкололи ножницами свои клички, инициалы и статьи уголовного кодекса, по которым их привлекали к ответственности. Игорь выцарапал на одной миске: «Певец. Статья 117, часть 2», а на другой: «И. С. + Т. Р. = любовь». То, что творилось с ним, не поддавалось объяснению. Он терзался за совершенное, но в то же время чувствовал к Таньке необыкновенную тягу, словно его приворожили к ней. С каждым днем эта страсть нарастала, и, в конце концов, он был готов умереть сейчас за единственный поцелуй.

Чтобы хоть как-то разнообразить свои серые, как две капли воды, похожие дни, ребята пели. Они знали много

блатных душещипательных песен, и выходило нечто вроде концерта по заявкам. Начинал, как правило, шестнадцатилетний Вадик:

Жил в Одессе славный паренек,
Ездил он в Херсон за голубями...

Голос у Вадика тоненький, чистенький, как у девушки. Когда он заканчивал песню, вступавший следом Костя пел совсем по-другому, шепелявя слова на блатной манер. Каждая песня была надрывом, болью, тоской по свободе. От слов щемило сердце, к горлу подкатывался ком, и хотелось выплакаться, да так, чтобы раз и навсегда.

— Что хочешь говори, а тюрьма без песен — не тюрьма, — замечал Сергей, не принимавший участие в их «художественной самодеятельности». — Да за такие песни я любой срок отсижу — не охну, будет что вспомнить на воле. Давай, Игорь, твоя очередь.

Стрельников не растягивал слова и не шепелявил, пел, что называется, душой:

С Таней познакомились —
Лил дождик проливной,
Поздно после танцев
Возвращались мы домой...

В этой песне он был весь: со всей своей обидой и болью, со всей недающей покоя страстью. Он доходил до того, что, когда кончал петь, готов был разрыдаться и упасть без чувств. Но он стыдился слез и старался себя сдерживать.

После «концерта» начиналось «рисование». Найдя в прогулочном дворике обломок булавки и приготовив из куска галоши самодельную тушь, ребята украшали себя наколками. Обычно Сергей закрывал спиной волчок двери, а Вадик делал наколки. На пальцах писали года рождения, рисовали тюремные кольца, вроде «дороги на малолетку»: черный прямоугольник с оставленной по диагонали белой полосой, всевозможную аббревиатуру. Например, СЛОН, что должно было означать: смерть лягавым от ножа. Или ТУЗ — тюрьма учит закону. Игорь выколол на правой руке КЛЕН — клянусь любить ее навеки. Это он Таньке клялся, за что получил трое суток дисциплинарного изолятора.

В январе Игоря судили. Процесс был закрытый, и никто из знакомых и друзей в зал не попали. Адвокат убедил Игоря не спорить с председателем суда, во всем соглашаться, а то накинута лишних два-три года.

— По головке тебя за содеянное не погладят, — говорил он, — а будешь спорить — только время затянешь, а этого у нас не любят. Лучше помалкивай и раскаивайся...

Государственный обвинитель с такой яростью нажимала на особую опасность содеянного, на половую распущенность подсудимого и цинизм, что у самого Игоря бежали по спине мурашки. А тут еще Танькины родители... Короче, позор со всех сторон.

Танька весь процесс просидела молча, словно в полусне, отвечала на вопросы председательствующего скупое: не помню, не знаю, может быть. От последнего слова отказалась и только когда Игорю зачитали приговор: три с половиной года лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии общего режима, сорвалась с места и с криком «Я его люблю, у нас будет ребенок» кинулась Игорю на шею.

— Раньше надо было о любви говорить, — отстраняя ее, шмыгнув носом молоденький милиционер конвоя.

— Да уж, — со значением вздохнул его товарищ постарше. — Получается, что ни за что посадила парня.

— У нас «ни за что» не садят, — усмехнулся молодой. — Поди, не одну такую изнасиловал...

После суда Игорь пробыл в следственном изоляторе совсем недолго — неделю. Получил копию приговора и отправился на этап.

Стояла глухая морозная ночь. В тесных ледяных «воронках» приходилось сидеть друг у друга на коленях. Ощущение неизвестности загоняло душу в пятки.

Их привезли в освещенный прожекторами и оцепленный солдатами тупик возле железнодорожной станции. Выстроили в колонну и повели к «столыпинскому» вагону в конец перрона. Под ногами бежала снежная поземка. Поблескивали металлические дула автоматов. Лаяли сторожевые собаки. Гудел тепловоз... И в каждом из поеживающихся от холода малолетних преступников рождалось ощущение того, что в эти мгновения в их жизни происходит что-то главное, похожее на ожог или рубец, который не вылечить до скончания дней.

В огороженное решеткой купе влетали по одному, и каждый норовил устроиться поудобнее. Сильные и наглые лезли на верхние полки, отпывая и сбрасывая слабаков. Каждый напоминал сжатую пружину — только тронь, и она ударит с такой силой, что не устоишь на ногах.

Одному пацану за то, что он занял чужое место, уже разбили лицо, и он плевал на пол кровью в надежде, что охранник обратит на это внимание и отведет его в другое «купе». Но охранник «не замечал» разбитого лица, потому что все остальные «купе» были забиты взросляком.

Колеса выстукивали: на зону, на зону, на зону...

В углах шушукались. Те, кто шел в колонию «по первой ходке», затаив дыхание, слушали тех, кому уже довелось бывать на зоне. Жуткие истории о жестоких «буграх» и «рогах зоны», которые дубасили новичков тубарями и дужками от кроватей, не оставляли надежды на нормальную жизнь.

— Все зависит от того, в какую зону попадем. Если в «активную», где правит совет воспитанников колонии, то хана, — говорил низенький большеголовый паренек, на лбу у которого было выколото «Раб СССР».

— На «воровской» тоже не лучше, — вторил ему губастый со шрамом на щеке. — Красный цвет — западло, сигареты «Прима» — западло, колбаса на х... похожа — тоже западло.

С их слов получалось, что нет хороших зон ни среди «активных», ни среди «воровских». Так, наверное, и было.

От изнемождения и усталости ребята дремали кто как мог, а колеса все выстукивали: на зону, на зону, на зону...

5

Зона началась для Игоря и всех новоприбывших с ДИЗО, куда их кинули на выходные дни. Спать пришлось на полу, на слежалых матрасах, без одеял, оправляться, как и в КПЗ, в вонючую парашу, а обедать, завтракать и ужинать в комнате свиданий за длинным, во все помещение столом.

Аккуратненькие воспитанники колонии в синих хлопчатобумажных костюмах с бирками на правой стороне груди и в отдраенных до масляного блеска кирзовых сапогах приносили этапникам фляги с похлебкой, разливали в алюминиевые миски суп, выдавали хлеб. Глаза у них, казалось, светились благодушием и добротой, но, как только приставленный к этапу старый усатый контролер дядя Миша вышел из помещения, в приказном порядке потребовали отдать им теплую одежду:

— Мальчики, у кого есть свитера, олимпийки, шер-

стяные носки и перчатки — живо сюда! — прищурившись и расплываясь в дурацкой улыбке, требовали они. Безобидное слово «мальчики» они наполняли таким смыслом, что в их устах оно звучало как нечто низкое и постыдное. — Мальчики, кому не ясно? Вам теплые вещи теперь уже все равно ни к чему!

Этапники жались друг к другу, тянули время в надежде, что дядя Миша вернется и прекратит грабеж. Но Игорь сразу понял, что дядя Миша уходил специально, чтобы активисты попржиали новичков, морально сломали и разобщили.

— Мальчики, у нас нет времени! — торопили колонисты. Они бесцеремонно высматривали то, что им нужно, и никто не сопротивлялся. У высокого сутуловатого парня потребовали водолазку:

— Разделся быстренько! Глухой, что ли?

Товарищи по этапу молчали — каждый ждал, что будет дальше. Главное, что их не трогали. Но развязка затягивалась, сэвэпэшники побаивались применять физическую силу, потому что не знали, кто в этапе верховодит — вдруг дадут отпор. Это потом, когда пацанов раскидают по отрядам, с ними можно делать все, что угодно. А пока карантинщики — сила. Появление дяди Миши прекратило начавшийся было грабеж.

От страха и безнадежности своего положения уставшие пацаны легли спать. Москвичи же собрались вместе и стали думать, как вести себя дальше, оказывать сопротивление, если будут бить, или нет.

— Здесь дадут такое сопротивление, что по ночам в койку мочиться будете, — прислушиваясь к ним, заметил Раб СССР, — это вам не в столице колхозникам мозги пудрить.

— Смотри, как бы сам писаться не стал, — огрызнулись в ответ москвичи.

— Если меня тронут — я на глушняк пойду. Замочу двоих — троих, и с раскруткой на другую зону, на усилки. А вы ссыте, когда страшно.

В понедельник с утра этап построили в колонну по четыре, и уже знакомый всем дядя Миша представил новичкам коренастого паренька с лицом, напоминающим спелую репу:

— Председатель секции внутреннего порядка Игорь Лановой, — сказал он. — Прощу любить и жаловать. Пока

будете в карантинном отделении — все вопросы к нему. Ясно?

— Ясно, — ответил кто-то из ребят.

— Не понял, мальчишки! — набычился Лановой. В хромовых сапогах на высоком каблуке, в синей телогрейке и сдвинутой на затылок черной меховой шапке, он выглядел строго и внушительно. — Борзеть не надо! Если к вам обращаются, то вы должны дружно, как один, гаркнуть: ясно! А при встрече с администрацией колонии — снять головной убор и отчетливо поздороваться. С левой ноги шагом арш!

Ребята двинулись по расчищенной от снега дорожке к огороженной высоким забором и проволокой производственной зоне, где находилась баня. Сыпал редкий снежок. На деревьях серебрился иней. Под ногами скрипел снежный наст. Лаяли сторожевые собаки.

Но не успели этапники как следует осмотреться, как из-за ближайших деревьев выскочили два шустрых колониста, сбили с крайних ребят зимние шапки и также быстро убежали. Лановой в это время шел впереди колонны, и, когда обернулся, нападавших уже простыл след. Но он сразу смекнул, в чем дело, и сорвал зло на пострадавших же:

— Чего варежки раскрыли? Так догола разденут, пока до бани дойдем! Еще раз увижу, что с кого-то сняли гражданские вещи, — забью!

Баня и прачечная размещались с торца кочегарки и, видимо, строились руками колонистов: кладка неровная, косяки дверей расшатались, потолок в раздевалке настолько низок, что Игорь мог достать до него рукой.

Здесь все гражданские вещи упаковывались в специальные холщовые мешки, зашивались и подписывались. Каждому пацану дали мешок, но, прежде чем ребята успели убрать свои вещи, Лановой, как в свое время дядя Миша, вышел на улицу, чтобы узнать в кочегарке насчет горячей воды, а в предбанник влетела кодла воспитанников, которая за считанные минуты устроила такой шмон, что после него некоторым пацанам сдавать на склад было почти что нечего. Отбирали тельняшки, свитера, майки, трико, шерстяные носки, перчатки, шапки. Тех, кто сопротивлялся, били чем попадя. Голые москвичи попробовали защищаться, заняли круговую оборону, но их запинали сапогами. Когда нападавшие ушли, влетел Лановой и, не закрывая дверей, с порога заорал:

— Чушки! Я вас предупреждал, чтобы ничего не отдавали! Или вас это не коснулось? Забью, козлы!

Но этапникам было уже все равно. Ежась от холода, они обреченно ждали своей участи. Поняв это, Лановой дал им станок с лезвием и велел брить лобки. Обритых он мазал спереди и сзади квачем, макая его в какую-то вонючую жидкость, и отправлял в моечное отделение. Всех хуже пришлось последним: лезвие затупилось, и, шаркая им по редкому волосяному покрову, ребята чуть не плакали от боли и порезов.

В моечном отделении стоял такой же холод, как в предбаннике. Из кранов текла чуть тепленькая водичка. На восемнадцать человек Лановой дал два обмылка и одну мочалку. Спины терли кулаками. Для приличия помочили головы и хотели уже было выскочить в предбанник, но Лановой хватил первого попавшегося шваброй и погнал обратно:

— Мойтесь, чушата, как следует, а будете косить — поставлю на рога!

И они мылись. Вернее сказать, сидели возле тазов с водой и ждали, когда же, наконец, разрешат выходить одеваться. Лановой появился в тот момент, когда у ребят уже не попадал зуб на зуб. В руках он держал все ту же знакомую швабру.

— Первая пятерка, быстренько одеваться! — гаркнул он и залепил последнему из кинувшихся к двери шваброй по заднице. Так он провожал всех по очереди, а последнего вдобавок отдубасил за то, что он не сложил тазы.

О подборе кальсонов, рубах и роб по размерам не было и речи — надевали кто что схватит, так как на всю процедуру переодевания Лановой отвел время сгорания одной спички. Спичка гасла — и человек уже должен стоять одетым. Если кто-то не укладывался во время, то Лановой дубасил его кулаком по шее.

Через десять минут весь этап стоял возле выхода в одинаковых фуфайках, похожих на блин зековских шапках, кирзовых сапогах и голицах. Лановой придирчиво осмотрел каждого и повел знакомой дорогой в бытовую зону на обед.

Обедали колонисты в столовой, рассчитанной на двести посадочных мест, за два захода. Первый и второй отряды — в час дня, третий и четвертый — в два. Через неделю порядок менялся.

Для карантинного отделения в глубине столовой стоя-

ли свои столы, и, когда ребята шли между сидящими воспитанниками, те смотрели на них, как на зверей в зоопарке. Рассаживались с шумом и толкотней, боясь, что кому-нибудь не хватит места. И тут произошло неожиданное. Крепкий парень в ладно сидящей курточке с многочисленными красными нашивками и звездочками на рукаве медленно поднялся, посмотрел в их сторону и, швырнув в побледневшего Ланового миской с кашей, заорал:

— Карантин, встать!

Ребята дружно поднялись.

— Сесть!

Карантинное отделение село. Взялись было за ложки, но не успели донести их до рта, как стоявший снова заорал:

— Карантин, встать! Сесть! Встать! Сесть!..

Они вставали и садились как можно тише, чтобы не звякнуть пуговицей о миску, не скрипнуть скамейкой, не кашлянуть, а парень с красными нашивками, войдя в раж, все орал и орал:

— Не понимаете, суки?! Первый отряд и карантин, встать! Сесть!.. Тихонечко встать! Сесть! Без шума, падлы! Кому говорят? Встать... Сесть... Разучились, чушата? Жрите стоя!

Колонисты стояли навтыжку, а ребята из карантинного отделения взяли миски в руки и пробовали есть стоя. И тут в противоположном углу столовой вскочил еще один парень с красными нашивками на рукаве:

— Второй отряд, встать! Покажем первому отряду, как нужно садиться без шума! Сесть... Встать...

— Первый отряд и карантин, сесть! Встать!..

Так продолжалось минут десять, пока не вмешался дежурный помощник начальника колонии, офицер с красной повязкой ДПНК. Он прекратил издевательство, дал ребятам спокойно доесть остывший обед. Дружно прокричав «спасибо», колонисты разошлись по отрядам.

Карантинное отделение размещалось в первом отряде, но идти туда после всего происшедшего не хотелось. В ДИЗО было спокойнее. Но деваться некуда — Лановой вел их к зданию первого отряда. Поднялись на второй этаж, разулись. В помещении разрешалось ходить только в тапках, исключение лишь для активистов, те могли ходить прямо в сапогах. У новичков же какие тапки? Кто в носках, кто босиком отправились в воспитательскую комнату.

Младший лейтенант Казанкин, светленький носастый офицер, провел вводную беседу, объяснил что к чему и отвел ребят в карантинное отделение.

Встав у окна, Игорь попытался логически осмыслить происходящее, но в нем уже не оставалось ничего, кроме животного страха. В колонии царили непонятные ему порядки, особые отношения и законы. Но это еще считалось цветочками, ягодки ожидали ребят вечером, когда отряд возвратился с производственной зоны.

Первым прямо в сапогах и бушлате нараспашку в карантинное отделение пожаловал большеголовый, кривоногий Кефир. Издав звук, напоминающий медвежий рык, сутулый председатель третьего отделения упер руки в бока и строго спросил:

— Откуда такие?

— Из Москвы, — подал голос высокий красивый парень по имени Олег.

— Ясно! — Кефир как-то дико улыбнулся и прищурился: — Иди сюда!

— Я, что ли? — испугался Олег.

— А кто же? Нагибай шею — я тебе фашку выпишу!

Когда Олег нагнулся, Кефир резко, со всей силой треснул его кулаком по шее:

— Кайфанул?

Олег не понял. Тогда Кефир двинул ему еще раз. Шея у Олега налилась кровью. Кефир треснул еще:

— Кайфуешь? Нет?! Тогда нагнись пониже...

Размахнувшись так, словно он колот дрова, Кефир врезал москвичу последний раз, и тот рухнул между шконок.

— Кто еще из столицы? — ухмыльнулся Кефир. — Нету, что ли, больше? Не коните? Вот ты откуда? — спросил он губастого парня со шрамом на щеке.

— Из Рыбинска.

— Вафлер?

— Нет, — затаился парень, собравая, как себя вести в таком случае.

— А чего тогда бирку вафлерскую носишь?

Губастый тотчас же с нитками оторвал от своей курточки старую бирку.

— Вот так-то! — похвалил Кефир. — Рога есть?

— Были, да отбили! — блеснул своими познаниями парень.

Игорь тоже знал, что, если ответишь «нет», скажут «набьем», скажешь «да» — «отобьем!»

— А матка у тебя есть?

— Мать есть, а матки нет, что я, баба, что ли?

— Молодец, — засмеялся Кефир и похлопал собеседника по щеке. — Ты мне нравишься. В какой класс пойдешь?

— В седьмой.

— Просись в мое отделение — дам поддержку. И врежь вон тому лобастому, чтобы не шурился.

Будущий воспитанник третьего отделения несильно ударил парня, на которого показал Кефир. Появился Лановой.

— Как дела, мальчики, никто не обижает? — спросил он, здороваясь с Кефиром за руку. — Если станут приставать — говорите мне.

И они ушли. Карантинщики собрались в углу. Москвич потирал опухшую шею:

— Что, мужики, будем давать отпор или они нас «опустят»?

— Я пас, — сказал Раб СССР, — у меня здесь земляки должны сидеть в третьем отряде — дадут поддержку.

— Я тоже, — подал голос парень со шрамом, — мне здоровье дороже.

Перед отбоем в карантинное отделение пришли «воры в законе» — выбритый под лезвие, сплошь испещренный наколками длинноногий Череп, толстенький, как пончик, Вага и придурковатый, с обезьяньим лицом Дриса.

— Ну, что, мальчики, кто хочет «вором в законе» стать?

— Я! — шагнул вперед Раб СССР.

— Наколки есть?

— Вот, — парень показал кисти рук. — Тут у меня «смерть бугра», «дорога на малолетку», главная жизненная заповедь: тюрьма учит закону.

— Это ты так ТУЗ расшифровываешь? — усмехнулся Череп. — Кто тебе это сказал. ТУЗ — это туалетный уборщик зоны.

— Не бреши!

Дриса тут же подскочил к борзанувшему, замахнулся, но, увидев на лбу надпись «Раб СССР», сменжевал, отступил в сторону. Зато на следующем пожелавшем стать «вором» Дриса отвел душу с лихвой. Сначала он нарахнул пацана, потом поддел двумя пальцами за подбородок и вскинул руку вверх. Парень щелкнул зубами.

— Ты чего такой менжованный? После нарахушечки что нужно сказать?

— Спасибо.

— Правильно.

— А ну, вы, воры в загоне, пошли отсюда! — проходя мимо карантинного отделения, заглянул на огонек еще один активист, Ключичев.

— Сосал бы ты кое-что, — ответил Череп. — Здесь не те ребята.

— А это мы сейчас посмотрим. Эй ты, длинный, — позвал Ключич москвича, которому Кефир надавал фашек. — Ты за кого: за «воров» или за «активистов»?

— За «воров», — сквозь зубы ответил москвич.

Череп, Вага и Дриса загоготали:

— Видал! С такими орлами мы скоро всех «рогов» и «бугров» в бараний рог согнем!

— Не понял?! — заводился Ключич. — А ну-ка, встань к шконке! За такие дерзости я тебя сейчас вырублю. Весь киль проломлю.

И он стал натренированно бить москвича в грудную клетку кулаком, стараясь приложиться так, как потом узнал Игорь, чтобы удар совпал с ударом сердца. В таком случае жертва вырубалась. После десятого удара москвич согнулся пополам и встал на колени.

— Так за кого ты теперь: за «воров» или за «активистов»?

Москвич выдавил:

— За «воров»...

Говорить, что он за «активистов», не имело смысла. Тогда бы к нему подошли Череп, Вага и Дриса и тоже стали бить, а так можно было рассчитывать, что «воры» оценят его упрямство и дадут поддержку. Но Ключич просто так сдаваться не собирался и пинал москвича в грудь носком сапога до тех пор, пока тот не распластался на полу.

— Кто хочет ссать? — спросил Ключич.

— Я, — вызвался губастый, расстегивая ширинку.

— Опарафинить его!

Губастый с удовольствием оправился на своего товарища по карантину.

— Одна чуха есть, — улыбнулся Ключич, понимая, что теперь «воры в законе» все равно не примут москвича в свою братию. — А теперь этого, — он показал на Раба СССР. — Видишь, он вспотел.

Губастый нерешительно приблизился к Рабу СССР, расстегнул ширинку и приготовился было опарафинить еще одного этапника, но тот сумел ухватить его за причинное место и надавил так, что губастый закатил глаза и заорал нечеловеческим голосом.

На крик прибежал в майке и трусах «рог» зоны Морозов, который квартировался в четвертом отделении. Следом — Кефир, Лановой и еще с десятков рослых воспитанников.

— В чем дело? Почему в карантине посторонние? — спросил Мороз.

— Да вот зашли посмотреть, как активисты хороших ребят помят, — ответил за всех Череп и от греха подалеже ушел прочь.

— Кто здесь такой смелый? — взяв Ключича за ворот, тряс Морозов. — Ты, что ли?

Выставив два оттопыренных пальца, он приказал ему:

— Колись!

— Западло...

— Тогда десять тубарей, чтобы другим было неповадно ребятишек из карантинного обижать.

Ключич встал возле шконки, на голову ему положили подушку, и Лановой, забравшись на верхний ярус, стал бить ему тубарем по голове:

— Раз... два... три... четыре...

После седьмого удара Ключич упал без сознания.

Прозвучала команда «Отбой!» Свет в отряде выключили. Игорь забрался на второй ярус и, чтобы хоть как-то согреться, сжался комочком и попробовал уснуть.

Было слышно, как поскрипывают под ребятами шконки, как бушует за окном вьюга, как надрывно кашляет кто-то в конце коридора. Игорь лежал и думал о Таньке.

6

Стрельникова определили учиться в десятый класс, хотели в одиннадцатый, но он не согласился. Поселили в четвертое отделение первого отряда, где квартировались в основном «активисты»: председатель совета воспитанников колонии Морозов, его зам Лисин, секретарь Таранов, председатель первого отряда Грачев, председатель четвертого отделения Маншин, председатель СВП Лановой, председатель школьной комиссии Шкуратов, санитар отряда, бригадир первого участка и т. д. и т. п. Из 44 человек — 26 «активистов» и 6 «воров в законе». Так что вся уборка

отделения ложилась на оставшихся двенадцать воспитанников, а больше всех на Игоря Стрельникова и пришедшего с ним в одном этапе Васю Кружкина.

В столовой их место было на шкентеле, то есть с краю, чтобы ублажать «рогов», носить им из хлебозрезки мягкий белый хлеб, сливочное масло, молоко, консервный нож — все, что прикажут. Общая судьба мальчиков на побегушках сблизила Игоря и Василия с такими же, как они, а те научили, как себя держать, чтобы не вызывать лишнего недовольства.

К особенностям первого отряда можно было отнести постоянное стремление воспитателей добиваться, чтобы их воспитанники занимали первые места в учебе и труде. Отсюда больше всего ребят освобождалось по условно-досрочному освобождению. Дисциплина держалась на кулаке. В других отрядах «активисты» не так лютовали, потому что сами учились в школе неважно. Там больше прав имели «воры в законе». Сильные петушили и фалловали слабым. Кто не соглашался, тех сначала парафинили. Ребята шли на всякие унижения ради того, чтобы их меньше били: стирали чужие носки и трусы, мыли «ворам в законе» ноги... Да мало ли чего может выдумать больная фантазия уголовника.

По вечерам председатель четвертого отделения Маншин гонял воспитанников по плацу строям. Пели «отслужу и домой возвращусь...», но частенько вместо «отслужу» слышалось «отсизжу». Воспитанники, как на военном параде, тянули носочек сапога, маршировали на месте, ходили «гусиным шагом», а то и по полчаса стояли на одной ноге, вытянув другую на пятьдесят сантиметров от земли. У кого вытянутая нога опускалась, Маншин стегал их прутом с такой силой, что оставался рубец.

Больше всех доставалось Кружкину. Он плохо ориентировался в командах и, когда Маншин говорил: «на ле...», не дожидаясь «во», поворачивался. Стоящие рядом дубасили Васю Кружкина как могли, ведь это из-за него их гоняли до самого отбоя.

Игорю Стрельникову доставалось не меньше. Первый раз его побили за то, что он спросил у санитаря, где взять мыло, чтобы помыть руки. Второй, когда болтал во время урока с соседом по парте. Потом он уже потерял счет, потому что перепадало ежедневно.

Зато на работе его не трогал никто. Игорь попал в бригаду слесарей-сантехников и, забравшись в конце смены на горячий бойлер, потихонечку дремал,

Бригадники взахлеб рассказывали, как жили на свободе, как гоняли на мотоциклах, как провожали девчонок, как напивались и дрались, а он молчал, потому что все время думал только о Таньке. С ее именем он засыпал и просыпался, а уж когда воспитатель приносил письма, с нетерпением ждал, пока назовут его фамилию. Писала Татьяна часто и много, а однажды даже прислала свою фотографию, которую Игорь, чтобы не сперли, хранил в бойлерной.

О том, что он умеет играть на гитаре, никто не знал, но когда председатель клубной комиссии Шумилов стал собирать хоровую группу для выступления на смотре художественной самодеятельности отрядов в родительский день, он взял туда и Стрельникова. По выходным дням они разучивали в клубе песни о Родине, труде и молодежи, а глядя на ночь, перед отбоем, Морозов заставлял в отряде петь совсем другие песни, тюремные и блатные. Их пели и в банный день, сидя напротив распаренного, вальяжно развалившегося на скамейке Морозова, которому «шестерки» терли мочалками спину и поливали горячей водой. Когда по команде Грачева или Маншина ребята пулей вылетали в предбанник, Морозов с «шестерками» задерживался в моечном отделении, и, чем уж они там занимались, было ведано только богу.

Колония ломала ребят на всю оставшуюся жизнь. И если у одних только появлялись садистско-мазохические наклонности, то у других, как видел Игорь, они приобретали постоянный характер. Фелляция и гомосексуализм были привычным, хотя и упорно скрываемым явлением, а об онанизме уж и говорить нечего.

Система воспитательно-трудовой колонии держалась только на кулачной дисциплине, что было хорошей предпосылкой для совершения новых преступлений со стороны тех, кого собирались перевоспитать. Не видя никакой перспективы на выживание, наиболее незащитные воспитанники от собственного бессилия кидались на колючую проволоку, травились ацетоном, вскрывали себе вены, глотали гвозди. Те, кто покрепче духом, чтобы уйти на другую зону, совершали новые преступления.

Вася Кружкин, например, после того как за полученную в школе двойку Шкурат разбил ему сапогом грудную клетку, спрятался на производственной зоне в кочегарке, нанюхался из целлофанового пакета нитрокраски, задурел и хватил случайно зашедшего в кочегарку воспитанника ломом по

голове с такой силой, что мозги пришлось соскабливать со стен.

Другой воспитанник, у которого «вор» спорол передачку, воткнул ночью своему обидчику в глаз заточку.

И все же в каждом отделении имелись свои «чушки» и «помойки», которым жилось хуже других. Их били чем попало, на них отработывали приемы каратэ, их дубасили дужками от кроватей, отбивали печень, опускали почки, после чего ребята писались в постель.

Некоторые были виноваты сами. «Помоек» били за то, что они жрали всякую падаль, подбирали с земли недокурные сигареты. «Крысятников» преследовали за воровство из тумбочек. «Чушек» — просто так, от скуки. Чаще всего «чушками» становились физически слабые, имеющие природный изъян пацаны, лет пятнадцати — шестнадцати.

Ведущим «чушком» зоны считался Гена Будилов из второго отряда. По приговору суда ему дали за кражу шесть месяцев лишения свободы, но за дебильную внешность Гены, за его тупость и воровство у своих же ребят и за этот небольшой срок из него сделали урод. «Киль», или грудная клетка, Гены была отбита до такой степени, что представляла сплошную кровоточащую рану, кожа возле которой пожелтела. «Активистам» и «ворам» бить Будилова считалось западло, они не хотели пачкать об него руки — ему доставалось от таких же «чушат», как он сам. Заманив в кузницу, его пытали электрическим током, втыкали в уши серьги из гвоздей, заставляли есть фекалии. И все это он терпел...

Однажды Игоря вызвал начальник колонии майор Алексеев, седой, широкоплечий мужчина.

— Стрельников, — он пристально посмотрел на Игоря, как бы стараясь угадать, о чем он думает. — Тут девушка приезжала с заявлением, чтобы зарегистрировать ваш брак. Как ты на это смотришь?

— Положительно.

— Поди рассчитываешь, что после регистрации брака скорее освободишься? Как бы не так. Мы запрашивали твое дело, хотели послать на пересмотр, но ты сам во всем виноват, вот и сиди. А в пятницу подбери себе паренька в свидетели, переоденетесь и свозим вас в город, в загс, распишешься со своей... Как ее?

— Таней...

— Вот именно.

К родительскому дню Шумилов велел Игорю оформить красочный поздравительный стенд и вывесить в отряде, на стене. Вернее сказать, это задание Шумилову дал Маншин, а тот перепоручил Стрельникову. Игорь вывесил стенд к сроку, но, видимо, плохо закрепил, и, когда воспитанники, как угорелые, побежали утром на построение, стенд свалился, и его затоптали.

Выходивший из отряда последним Маншин подозвал Шумилова и выписал ему десять «фашек». Раскрасневшийся как рак Шумилов, подойдя к Игорю, без разговора ткнул ему кулаком в подбородок. Удар пришелся вскользь — Шумилов еще не научился бить как следует и хотел потренироваться на Стрельникове, но так случилось, что в это самое время из-за угла вывернулся Лановой.

— Это еще что за рукоприкладство? — спросил он.

— Воспитываю вот одного приборзевшего товарища, — заулыбался Шумилов, зная, что Лановой в начале срока натерпелся от предыдущего председателя клубной комиссии, который заставлял его учить наизусть стихи. Лановой же с тех пор возненавидел клубную комиссию.

— Я вот тебе повоспитываю! — Он сходу дал Шумилову по щеке. Перчатки у Ланового шерстяные, и щека у «активиста» запылала, как красный флаг.

На вахте Игоря ждала Татьяна и еще какая-то девица, как потом выяснилось, свидетельница. Контролер дядя Миша для формальности ощупал ребят и выпустил за зону.

Через час Татьяна Росомахина стала Стрельниковой. Потом они с Игорем сидели в комнате свиданий, целовались, строили планы на будущее. В половине третьего Игорь вернулся на зону.

Шумилов тем временем негодовал. Ему было стыдно перед Игорем от того, что на его глазах он получил пощечину. Он поджидал молодожена возле вахты.

— Теперь я тебя упакую! — радовался он. — Теперь ты у меня узнаешь, что значит грубить старшим. Ты запомнишь этот день на всю оставшуюся жизнь.

Они зашли в темное помещение клуба. Шумилов надел такие же, как у Ланового, шерстяные перчатки.

— Я буду бить тебя долго и больно! — сказал он, разминаясь, но лишь только попробовал ударить Игоря, как тот заломил ему руку.

— Может, не будем...

— Убрал пакши! Я кому сказал, чтобы ты убрал пакши! — бесился Шумилов. Но когда Игорь отпустил его руку, стукнуть побоялся.

В июле в первом отряде произошло историческое событие. В четвертое отделение перевели из второго отряда забитого Будилова, у которого через две недели заканчивался срок заключения. На прежнем месте ему уже не давали никакого прохода, били днем и ночью, вот его и решили отправить для поправки здоровья в другой отряд. Пусть поживет «вором в законе». Но Будилов доверия не оправдал: в первый же день принес с помойки несколько кусков «черняшки» и всю ночь «долбил», вытаскивая ночью из наволочки. Запах в отделении стоял тошнотворный, но его не тронули. А когда Будилов стал заправлять свою койку, подошедший Шумилов сказал:

— Ты «вор в законе» или нет?

Будилов насторожился.

— Если «вор», то койку тебе заправлять западло!

— А кто же ее будет заправлять?

— Пусть вон Стрельников за тебя...

Ощувив поддержку «активиста», Будилов обрадовался такому предложению, но все же спросил:

— А если Стрельников не будет?

— Заставь! Возьми в помощь Шамина и Синюшкина. Втроем вы его одолеете.

Слабоумный пятиклассник согласился. Сговорившись с другими «чушками», они заманили Игоря в туалет. Будилов встал на рундук и объявил:

— Теперь ты будешь застилать мою койку и стирать носки!

— А ху-ху не хо-хо? — рассмеялся Игорь, но тут же почувствовал, как на шее у него повис Шамин, а Синюшкин схватил за ноги.

— Давай его затолкаем в толчок! — распорядился Будилов.

— Или обоссым, — подсказывал Синюшкин, которого когда-то самого «опарафинили» с ног до головы. Он сунул Игорю в рот палец и пытался разорвать щеку. И тогда Игорь со всего маху ввинтил Будилкову по незаживающей на груди болячке. Тот заорал диким голосом. В туалет влетел стоявший в коридоре Шумилов. Стрельников врезал и ему, после чего Шумилов кинулся собирать «активистов».

— На председателя клубной комиссии руку поднял! —

кричал он, демонстрируя полученный только что подглазник. Игорю не оставалось ничего другого как только бежать на вахту. Дежурный Свистяков и контролер дядя Миша спрятали возмутителя спокойствия.

— Ты чего, как угорелый, примчался? — спросил Свистяков. — Опетушить, что ли, хотели?

— Обоссать...

— Подумаешь какое дело, — улыбнулся дядя Миша. — Я помню, мы на фронте пили мочу — от многих болезней помогала.

Ночь Игорь провел в ДИЗО, а утром его вызвал майор Алексеев:

— Ну что, герой дня? Уже отцом стал, а все права качаешь! — Он протянул Стрельникову телеграмму, в которой мать сообщала, что у Татьяны родился сын. — Давай садись, пиши прошение о помиловании — все равно напрасно сидишь... Да пожалостливей пиши, а то ведь не поверят, что ты на самом деле такой дурак...

Верховный Совет СССР ответил на прошение о помиловании отказом, но к концу лета администрация колонии все же нашла возможность направить Стрельникова на стройку народного хозяйства по месту жительства.

Еще спустя три года он полностью освободился. К этому моменту у них родилась двойня: Илюшенька и Дашенька.

**ЭФФЕКТ
ПРИСУТСТВИЯ**

Последние семь лет я работаю инструктором горкома ВЛКСМ, и для меня комсомол, как в песне, не только возраст, а и судьба.

Вкалывать на заводе токарем, как всю жизнь делал отец, мне надоело. От однообразной работы у станка единственное спасенье — пивная, где, кстати, отец и умер от инфаркта. Я же не собираюсь корчиться на грязном, в шкварках и моче, прогнившем полу пивной. И хотя инструктор горкома комсомола не ахти какая должность, но перспективы открывает большие.

Единственное, что меня тревожит, так это боязнь, что я не сумею в этом году вступить в партию. Политехнический институт я заканчиваю заочно. И если все сложится благополучно, то моя карьера обеспечена: меня запросто возьмут в аппарат городского комитета КПСС. Там тоже нужны исполнительные работники пролетарского происхождения...

Первый секретарь всегда поручает мне самые важные и ответственные задания. Я дорожу этим и стараюсь оправдать его надежды. Пока в первичках идут отчеты и выборы, я, как прилежный ученик, потею над предстоящим докладом Валерия Чушина на конференции: обзваниваю организации, собираю цифровой материал, кое-что добавляю, кое-что отнимаю. Установка одна: численность городской комсомольской организации, количество СКМОЖев и стройотрядов должны расти, а процент комсомольцев, привлеченных к уголовной ответственности и доставленных в медвытрезвитель, снижаться. Это закон, согласно которому преступность среди молодежи в районе скоро придет к нулевой отметке. Но, имея доступ к сводкам ГОВД, я знаю, что это далеко не так. Преступность растет вопреки всем идеологическим прогнозам.

Раз в месяц я хожу в исполком местного Совета, где из приходских книг «Регистрации крещений и венчаний» выписываю фамилии молодых людей до двадцати восьми лет, совершивших религиозный обряд. Это тоже моя работа. Но прежде чем довести имеющиеся сведения до членов бюро, я несу их на согласование первому секу, и, если он

вдруг, насупившись, вычеркивает чью-то фамилию, я переделываю все заново и только тогда несу машинистке печатать.

Особенно творчески я подхожу к подбору цитат из Ленина и Брежнева, которыми, словно кремом торт, украшаю пресноватый доклад Чушина. Их соотношение — один к четырем. Одно высказывание Ленина, четыре — Брежнева. Цитаты требуют большой ответственности, поскольку после конференции доклад Чушина публикуется в местной газете, и придирчивые партийцы с бдительностью, заложенной с 1937 года, сверяют их по первоисточникам.

В партию меня принимать, кажется, не торопятся. Может, после комсомольской конференции примут? Пора бы уже.

К комсомольской конференции я заказал в ателье новый костюм. Прийти в старом, с нарочито наутюженными стрелками брюк, я не могу. Небрежность в одежде, которую сплошь и рядом видишь на примере рядовых комсомольцев, приходящих вставать или сниматься с учета, меня бесит. Это неуважение к себе и людям. Правильно говорят, что человека встречают по одежде.

Для меня образцом внешнего вида комсомольского работника является наш первый сек Чушин: кофейного цвета импортный костюм, кремовая рубашка, темно-коричневый галстук, соответствующего тона туфли. Второй сек Андрей Громов — парень баскетбольного роста — в одежде менее щепетилен, но всегда аккуратен и подтянут.

За столом президиума конференции они сидят рядом. Круглолицый, как колобок, Чушин и строгий с виду Громов, локоть к локтю. Тут же заведующая отделом учащейся молодежи, наш третий сек Лена Березина — девица смазливая, но разборчивая, можно сказать, феминистка, взаимности которой упорно добивались Чушин и Громов, но напрасно. Лена вся в работе. Зимой мыкается по школам: пионерские сборы, горны, барабаны — это ее страсть. Летом — «Артек», «Орленок», школа пионерского актива. И только во время отпуска куда что девается — старается съездить за границу, мир посмотреть и себя приодеть. Где только ни была: ГДР, Чехословакия, Румыния, Венгрия, даже в Финляндии сумела побывать.

Рядом с Леной, как отец с дочерью, каменным истуканом восседает первый секретарь горкома КПСС Игорь

Сергеевич Андреев. Его папа служил высоким чиновником в Министерстве путей сообщения при Кагановиче и сделал все возможное, чтобы сын выбился в люди.

Второй секретарь Нина Дмитриевна Шилова в горкоме человек случайный и долго, наверное, не продержится. До работы в аппарате числилась освобожденным секретарем парторганизации текстильной фабрики. Там бы ей и оставаться, если бы предыдущего второго секретаря не двинули на повышение.

Из-за кулис я вижу, как Чушин с достоинством поднимается к микрофону:

— Из двухсот сорока шести делегатов, избранных на конференцию, прибыло двести сорок пять, — докладывает он. — Делегат от комсомольской организации совхоза «Родина» отсутствует по болезни. Какие будут предложения? Есть предложение открыть комсомольскую конференцию.

Звучит Гимн Советского Союза. Присутствующие встают. Третья в моей жизни конференция начинает работу.

За явку делегатов работники аппарата несут персональную ответственность. И это счастье, что только один делегат не явился, а если бы пятнадцать? ЧП! Тут уже не смотрят, по какой причине не явился человек, главное — нарушена установленная численность!

А с избранником от совхоза «Родина» все ясно: «болел». Перепил вчера на дне рождения у знакомой агрономши, а сегодня на ногах стоять не может. Присутствующие в зале в качестве приглашенных секретарь парткома и директор совхоза «Родина» не смеют поднять на президиум глаза. Час назад наш заворг Виктор Салов, месяц колесами «Уазика» грязь со снегом, вместе с местным фельдшером и ветеринаром приводили отсутствующего делегата в чувство, но напрасный труд. Видно, крепкий был у агрономши самогон. Пришлось заверить медицинскую справку о его «болезни».

Весь ход конференции расписан по мелочам: кто за кем выступает, сколько минут, когда первый перерыв, когда второй, даже кто должен менять стакан с водой на трибуне.

Мне на этот раз в официальном порядке поручили проконтролировать книжную торговлю, продажу пайков и

выпуск стенной фотогазеты, а в неофициальном — заказать банкетный зал в ресторане. Терять время даром я не собираюсь. Сразу же приступаю к выполнению одного из пунктов задания — оформлению стенгазеты. Оно легче всего, тем более, что фотограф Сережа Седов — мой протеже. Это я намекнул Чушину пригласить парня на конференцию.

Стихотворные подписи к фотографиям будут сочинять девушки из педучилища. Мое дело обеспечить их фломастерами, гуашью и ватманом. Все это приготовлено заранее. Девушки пришли — сидят в комнате для кружковой работы, а вот фотографа с ними нет.

Сергей Седов живет со мной в одном доме. Работает на заводе, иногда шабашит во Дворце бракосочетания, снимает молодоженов на цветное фото. Но его мечта — юриспруденция. Два раза поступал на юридическое отделение университета и... не проходил по конкурсу, не добрав полбалла.

Умный симпатичный парень, но для того, чтобы попасть в университет, нужна «лохматая лапа», а ее у Седова нет. Отец — водитель автобуса, мать — медсестра в горбольнице. Вот я и решил свести Сергея с Чушиным. Пусть проявит себя на конференции, а первый сек в долгу не останется.

В январе сын проректора университета собирается съездить по комсомольской путевке во Францию, а уже к сегодняшнему дню на путевку подано шесть заявлений. Среди претендентов сын начальника милиции, дочь директора треста столовых, родной брат нашего Громова и т. д. Решать, кто из них достойнее, будет бюро, но все зависит от Чушина, как скажет — так и будет.

— Фотографа не видели?

— Нет, а что?

— Да ничего. — Поднявшись на сцену, открываю комнату гримерной, где на период конференции разместился буфет для членов президиума, и вижу Сергея Седова. Перед ним на тарелке бутерброды с окороком и черной икрой, в фужере лимонад.

— Ты чего тут расселся? — срывается у меня. — Где твое место?

— Хоть раз в жизни черной икры попробовать, — виновато оправдывается Сергей.

— Ну, попробовал? — злюсь я, хотя времени для того,

чтобы отснять выступление Чушина, у нас предостаточно.

— Попробовал, — Сергей отправляет в рот последний кусок, одним глотком выпивает лимонад и встает. — Сытый голодного не разумеет. Я ведь до двадцати пяти лет не знал, что такое балык: мясо или рыба.

Буфетчица, толстая заживевшая баба, сразу же вытирает за Сергеем стол и ехидненько посмеивается.

Со сцены доносится по-деревенскому окающий голос Чушина:

— Слово имеет секретарь комсомольской организации текстильной фабрики Наталья Арсентьева.

Я останавливаюсь, чтобы послушать, о чем будет говорить эта чистенькая, в белой рубашечке девушка. Не буду строить домыслов, но три года назад она ездила вместе с Чушиным в турпоездку по Чехословакии. А это уже что-то значит. Чушина назначили руководителем группы, а Арсентьева попала в качестве ударника коммунистического труда. Оба съездили задарма.

После поездки Наташу сразу избрали освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ. Через год за большие успехи в воспитании подрастающего поколения она получила бесплатную путевку в Ялту, куда в это же время отправился наш второй сек Андрей Громов. На этот раз после отдыха в Крыму Наташе пришлось делать аборт, что несколько помешало ее переводу на должность инструктора школьного отдела, куда планировал взять ее Чушин.

В карьере пламенного борца за коммунистические идеалы произошел маленький сбой, но девушка приглянулась нашему новенькому инструктору Нодару Колбасову, приехавшему не то из Киргизии, не то из Таджикистана, и похоже, что ей снова придется делать аборт. Хотя в отличие от Чушина, который живет с бездетной женой, и Громова — отца двойни, Колбасов — холост.

— Товарищи делегаты и приглашенные, — с дрожью в голосе читает Наташа заранее составленную бумажку. — У меня есть предложение избрать почетный президиум нашей конференции из членов Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичем Брежневым!

Бурные продолжительные аплодисменты заглушают го-

лос Арсентьевой. Валера Новожилов, возглавляющий группу овации, уловил момент вовремя, и парни с завода «Резинотехника» не желеют ладоней.

На коленях у Валеры лежит сценарий конференции с указанием слов, после которых должны грянуть аплодисменты. Бурные. Продолжительные. Со скандированием: «Ленин! Партия! Комсомол!» — все размечено. Зал подхватывает моментально.

У ветеранов от слов «Генеральный секретарь ЦК КПСС» уже начинают зудить ладони, ну а когда перечисление руководящих постов Брежнева завершается, от напряжения у них сводит скулы и на глазах появляются слезы.

Насмотревшись партийных форумов по телевизору, присутствующие стараются во всем подражать им, особенно по линии оваций. Но просто хлопать в ладони для некоторых кажется мало, при любом произнесении имени Брежнева они готовы вставать и петь Интернационал, чего, к счастью, от них никто не требует.

Делегат, побывавший на Всесоюзном Съезде профсоюзов, рассказывал нам в курилке, как на открытии съезда в самый кульминационный момент, когда собравшиеся стоя, бурными и продолжительными аплодисментами встречали появление в президиуме членов Политбюро, доярка, сидевшая в первом ряду, не в состоянии справиться с обуявшими ее эмоциями, сошла с ума.

Ничего удивительного в этом нет. Первый сек горкома КПСС Андреев, увидев однажды из окна своего кабинета приближающуюся к зданию правительственную машину, настолько ретиво выскочил на улицу встречать дорогих гостей, что чуть не попал под колеса «ЗИМа».

Преданность идеям партии, а еще больше желание выслужиться перед ее вышестоящими руководителями доводит людей до абсурда. Смешно признаться, но взрослые люди, директора совхозов и крупных промышленных предприятий, от одной фразы, сказанной мною по телефону: «Сейчас с вами будет говорить первый секретарь горкома ВЛКСМ Валерий Чушин», теряют дар речи, начинают что-то бормотать, и я представляю, как они вытягиваются в струнку, словно солдаты перед генералом.

Чушин не ошибся в Арсентьевой. Светленькая девушка, с двумя хвостиками волос и переполненными

синевой глазами, вся такая доверчивая и открытая, она производит впечатление юного борца за дело коммунистической партии. Ветераны помнят, что до войны такие девочки первыми садились за трактора, прыгали с парашютом и верно служили сексотами в НКВД. Они приняли ее. И уже непонятно в чей адрес — то ли ей, то ли Брежневу — грохочут аплодисментами.

Арсентьева стоит ни жива ни мертва. Наконец-то аплодисменты стихают и после последнего, похожего на лягушачий прыжок в воду, хлопка воцаряется тишина.

Наташа с каменным лицом Зои Космодемьянской, чья скульптура стоит в нашем комсомольском парке, подавшись всем телом вперед, словно желая столкнуть трибуну своей маленькой грудкой, почти что кричит:

— От имени участников конференции предлагаю направить в адрес Политбюро ЦК КПСС и лично...

Каждое ее слово плывет по напряженной, готовой взорваться новыми аплодисментами тишине зала, и все, кто старше сорока лет, по-родительски влюблены в эту стоящую на трибуне комсомольскую богиню. Я начинаю понимать, что выбор Чушина не случаен. Я тоже смотрю на нее с замиранием сердца.

Как разрывы петард, гремят аплодисменты. Все устали от них, но закон толпы делает свое дело. И брось кто-нибудь из президиума клич: «Леониду Ильичу Брежневу — ура!» — все будут воодушевленно его скандировать.

Закончив читать текст телеграммы в адрес Политбюро, Арсентьева хочет уйти в зал, но группа овации зачем-то вносит новую волну «бурных и продолжительных». Присутствующие в зале теряются, не знают, хлопать или нет. Андреев недовольно косится на Чушина, а группа овации почти что в одиночестве продолжает хлопать. В сценарии у ребят отмечено: «Хлопать до тех пор, пока оратор не сойдет с трибуны».

Арсентьева ждет, когда стихнут аплодисменты. Ребята ждут, пока опустеет трибуна. Неувязочка получилась. Так ведь можно до вечера аплодировать.

Тем временем на втором этаже Дома культуры, где на сколоченных из досок прилавках расположились предприятия общепита, царит оживление. Чего тут только нет. И огромные — на два и более килограмма — бисквитные и кремовые торты, украшенные сверху клубникой, кре-

мом и вареньем, заварные, песочные и воздушные пирожные, эклеры, безе, пироги, бутерброды с ветчиной, краковской колбасой, пошехонским сыром, запеченные в тесте котлеты, заливное мясо в железных формочках, отварная говядина...

В сопровождении Сергея Седова останавливаюсь возле одной из буфетных стоек и наблюдаю, как, пользуясь тем, что делегаты находятся в зале, работники Дома культуры торопливо скупают дефицит. На меня ноль внимания, словно я тут стою вместо мебели. Приходится повысить голос:

— До перерыва всяческую торговлю прекратить!

— Но, Константин Васильевич, — почувствовав неладное, обращается ко мне директриса ДК, — мы же все свои.

— Печенку все равно никто не берет — придется везти назад, — в унисон ей вторит представительница общепита.

— Давайте не будем устраивать базар! — сержусь я. — И если вы не понимаете русских слов, то пригласите Александру Дмитриевну.

Из-за коробок и лотков с продукцией появляется похожая на кусок мяса Стожарова. Торговля прекращается.

...Сам я на конференции ничего из продуктов не покупаю: холодильник дома и так ломится от запасов. На днях в горкомовском буфете давали пайки.

Для горкомов КПСС и ВЛКСМ буфет общий, но распределение дефицитных продуктов осуществляется согласно табелю о рангах: краковской колбасы секретарям и заведующим отделами горкома партии отпускается по два килограмма, инструкторам — по килограмму, а работникам аппарата горкома комсомола и того меньше.

Но я от такой «социальной справедливости» не страдаю, ибо, как только к горкому подъезжает продуктовая машина, я вместе с водителем таскаю мешки с мясом и колбасой и за это буфетчица — остроносенькая Зиночка всегда отоваривает меня в первую очередь. Только я и шофер знаем в точности, что привезли в буфет. Весь дефицит забирают секретари горкома партии, и кроме нас больше никто не видит ни постромы, ни черной икры, ни зефира в шоколаде, ни чая «Помпадур».

В импортной дублинке нараспашку появляется директриса книжного магазина — «кожаная женщина», как

ее за глаза называют в горькоме, потому что только у нее и жены директора межрайбазы несколько лет назад появились первые в нашем городе кожаные пальто. Увидев меня, Генриетта Захаровна будто между прочим поинтересовалась:

— Шнитков, кто тут за старшего?

— А что?

— Ничего!

Генриетта Захаровна всегда выделялась своей невыдержанностью и грубостью, ей бы кладовщицей на базе работать, а не завмагом.

— Короче, или даешь ребят разгружать машину, или никакой книжной торговли на конференции не будет!

— Это еще как сказать! — возразил я, но, проткнутый взглядом Генриетты Захаровны, тут же поправился: — Куда идти?

— На улицу. Куда же еще.

«Кожаная женщина» развернулась и, припечатывая каблуками ступеньки Дома культуры, как комиссарша из «Оптимистической трагедии», в окружении членов оперативного комсомольского отряда дружинников удалилась на улицу.

Книги, как и в прошлую конференцию, привезли самые популярные: «Тени исчезают в полдень» Анатолия Иванова, «Строговы» Георгия Маркова, «Тишина» Юрия Бондарева. Причем в каждую из них вложена брошюрка с произведениями Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Чтобы у покупателя не возникало мысли, что политиздатовскую продукцию им дают в нагрузку к художественной литературе, на стене, возле которой расположился прилавок книготорга, «кожаная женщина» предусмотрительно вывесила плакат со словами, произнесенными на VII съезде писателей СССР: «Сердечная благодарность Леониду Ильичу Брежневу за его книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина», которые дали нам в эти годы добрые уроки служения народу, оказали огромное влияние на все виды и жанры литературы».

На часах уже 12.47. До начала первого перерыва, во время которого я должен проследить за организацией продажи делегатам спецнаборов, остается тринадцать минут.

Продуктовые наборы на комсомольской конферен-

ции — заслуга Чушина. Андреев был против наборов, считая, что комсомольцам они ни к чему, баловство, да и не по карману. Но Чушин настоял на своем. В балетном классе ДК лежат 400 одинаковых пакетов, в каждом из которых по килограмму вареной колбасы, 500 граммов сливочного масла, банка сгущенного молока, банка свиной тушенки и коробка конфет.

Продуктовые наборы рассчитаны не только на делегатов и приглашенных, но и на весь обслуживающий конференцию персонал: торговых работников, милицию, девочек, дежурящих в гардеробах, и даже уборщиц.

Со стороны Чушина это поступок, посягающий на монополию горкома партии. Сколько труда стоило ему убедить Андреева в целесообразности торговли на комсомольской конференции импортной косметикой, парфюмерией, ювелирными изделиями и обувью.

— Откуда у делегата конференции сто двадцать рублей на финские сапоги? — покачиваясь в кресле, пытал его Андреев, но Чушин держался как партизан в плену врага.

— Думаете, не заработали, Игорь Сергеевич? Но раз уж на то пошло, вы же своей дочери их и купите.

— Дочери я и без вашей конференции куплю, — сердился Андреев. — Она у меня, слава богу, одета-обута не хуже Березиной, хоть и мотается каждый год за границу.

— Вот именно, — не отступал Чушин. — Вашей дочери есть где купить импортную обувь, а рядовой комсомолке нигде! Да она же после такой покупки скорей в партию вступит. Кроме морального, иногда нужен и материальный стимул.

— Тоже верно, — согласился наконец Андреев.

Спорить с Чушиным он не хотел, потому что уже давно собирался взять его на место второго секретаря. Чушин прав. Пусть на конференции будет все лучшее: обувь, косметика, книги, сувениры. Чего жалеть? Молодежь запомнит и оценит эту щедрость по достоинству.

Во время перерыва, когда я потягивал в буфете черный кофе, ко мне, словно полпотовский заговорщик, подкрался заворг Виктор Салов:

— Тебя Чушин спрашивал. Хочет сфотографироваться с ветеранами партии и комсомола.

Чушин стоял за кулисами сцены с основательницей городской пионерской организации Клавдией Ивановной

Ржевской, семидесятидвухлетней старушкой. На ее серой кофточке красовались трудовые награды, значки и алый пионерский галстук. Клавдия Ивановна походила на горкомовскую дворничиху и вызывала у меня невольную улыбку. Костлявые руки, желтизна в лице, слеповатые глаза, но зато какой голос! Иерихонская труба! На всех мероприятиях, куда приглашали Ржевскую, она во что бы то ни стало старалась выступить.

— Константин Васильевич, у меня к вам просьба, — сфотографировавшись со всей группой ветеранов и с каждым в отдельности, отозвал меня в сторону Чушин. — К следующему перерыву постарайся узнать, что за особа сидит в восьмом ряду, пятая с краю.

Привычку высматривать в зале симпатичных девушек, чтобы потом завести с ними знакомство, я знал за Чушиным и раньше. Иногда это ему удавалось, иногда — нет, но к моей помощи он прибегал впервые.

Девушка, на которую положил глаз Чушин, мне понравилась. Короткая стрижка, большие глаза. Как магнит, она привлекала взгляды близидящих парней, они постоянно косили в ее сторону.

Пробравшись с Сергеем Седовым поближе к девушке, я смог увидеть не только ее чистое, слегка загорелое лицо, но и остренькие, в светлом капроне коленочки, на которых она держала пакет с продуктовым набором.

— Вы секретарь комсомольской организации? — пользуясь паузой в выступлении делегатов, спросил я.

— Нет, а вы?

— Я инструктор горкома ВЛКСМ Шнитков. Извините, но у меня к вам просьба. Я оформляю стенгазету конференции и прошу вас немного рассказать о себе.

— Как интересно...

— И самое интересное, что в ней мы поместим ваше фото.

— Этого только не хватало! Я совсем не люблю фотографироваться...

Сверкнула вспышка, и Сергей моментально сделал серию снимков.

— Мне же остается узнать ваши анкетные данные, — сказал я незнакомке.

— Тоже для газеты?

— Разумеется.

— Тихонова Светлана Михайловна, 1960 года рождения, старший технолог молокозавода...

Чушин обожал симпатичных девушек, секретарей комсомольских организаций. Он и в члены горкома подбирал таких, чтобы в первую очередь смотрелись. Развратник, бабник, юбочник — как прямо при мне называла его бездетная супруга — знал толк в женщинах.

Бывая в обкоме ВЛКСМ, мне доводилось слышать о его причудах — и о пресловутой «ромашке», и о других кобелячьих играх, в которых мужская половина разыгрывала на спичках женскую, спаивала и развозила в закрытые сауны и турбазы.

— Молодежь — наше будущее, и нам, ветеранам партии и комсомола, далеко не безразлично, каким будет будущее нашей страны, — тыкаясь губами в микрофон, громыхала с трибуны Клавдия Ивановна Ржевская. — Я благодарю свою судьбу за то, что дожилась до светлого времени развитого социализма! Вам придется жить в коммунизме, и я хочу, чтобы вы пришли к нему истинными ленинцами!

Раздались громкие аплодисменты.

— А она вблизи ничего, интересенькая, — внимательно рассмотрев фотографию Светланы Тихоновой, которую оперативно сделал Сергей Седов, заметил Чушин. — Откуда она?

— С молокозавода. Приехала по распределению после окончания техникума мясомолочной промышленности.

— Отлично! Пригласи ее после конференции в ресторан!

— А если не согласится?

— Должна согласиться! — Чушин сердился. Таким его еще не видел. — Короче, чтобы в банкетном зале были вместе. А пока сходи в ресторан — проверь, все ли там в порядке.

Я собирался взять на банкет Алку. Пусть, думал, поест-попьет за казенный счет: не зря шестой год комсомольские взносы платит! Теперь отбой...

С Алкой Рыжовой я познакомился в новогоднюю ночь в одной престижной компании, куда она пришла со своей подружкой. Высокая, складная, в черном гипюровом платье, она мне сразу приглянулась. В наш город она приехала после окончания культпросветучилища, как она выразилась «кулька», и работала в ДК хореографом.

По выходным дням, когда мне выпадало дежурить в горкоме партии, Алка приходила прямо туда. Мы запирали изнутри входную дверь, валились в приемной на казенный диван, и изображенный на портрете Леонид Ильич был вынужден созерцать наши голые ягодички. Алке доставляло огромное удовольствие расхаживать по приемной голышом. Мне же казенная обстановка и постоянные телефонные звонки мешали расслабиться, как я мог это себе позволить в балетном классе ДК, где мы отражались в десятках настенных зеркал.

Если в горком внезапно приезжал кто-нибудь из работников аппарата, Алке приходилось прятаться в женском туалете, что ей очень не нравилось. Однажды первый сек пробыл в своем кабинете около трех часов, и после его ухода я нашел Алку уснувшей прямо на унитазе.

В банкетном зале ресторана «Нечерноземье» официанты уже сервировали столы. Метрдотель Эмма Генриховна Бранд, симпатичная, солидного возраста немка, встретила меня приветливо.

— Игорь Сергеевич тоже будет? — как бы между прочим поинтересовалась она.

— Разумеется.

— Тогда надо кувшинчик медовухи принести.

Первый секретарь горкома партии считался большим поклонником медовухи, чего не скажешь о третьем, Елизарове, предпочитавшем пить только водку, после которой всегда рассказывал анекдоты про евреев и клялся, что он ярый антисемит.

— В список кандидатов в члены горкома ВЛКСМ, выносимый для тайного голосования, предлагаются следующие кандидатуры: Арсентьева, Антонов, Борисов, Березина, Громов... Тихонова, — услышал я в зале конференции и сразу же пошел поздравлять избранницу.

— Света, вы слышали, что вас выдвинули в члены горкома? — спросил я девушку.

— Я не поверила ушам...

— Вот и хорошо, — радовался неизвестно чему я. — От имени аппарата горкома ВЛКСМ приглашаю вас в ресторан «Нечерноземье».

— Спасибо за приглашение, но я не пью!

— Я тоже не пью, — заметил я. — У нас никто не пьет, а только выпивают.

В десятом часу вечера, утомленные долгим сидением на одном месте, со спецнаборами и книгами в руках, делегаты конференции с чувством выполненного долга расходились по домам. Снежная карусель принимала их в свои объятия, но, ошастливленные покупками, они не обращали на нее внимания.

Свету Тихонову я дождался возле гардероба, помог ей одеться и вместе с ней покинул Дом культуры.

В банкетном зале ресторана первый тост, как всегда, подняли за наш союз и выпили стоя. Второй, по предложению Чушина, выпили за здоровье Андреева. Потом — за здоровье и счастье всех присутствующих и только после этого навалились на закуску.

В большом зале ресторана играл вокально-инструментальный ансамбль. Девчонки устремились танцевать. Я остался за столом и прислушивался к тому, о чем говорили Андреев с Чушиным.

— Валера, веди себя поскромнее, домой приходи вовремя, — поглаживая Чушина по плечу, напутствовал перед уходом Игорь Сергеевич. — На очередном пленуме горкома КПСС мы тебя на место Шиловой двинем...

— А как же Нина Дмитриевна? — удивился Чушин.

— Это не твое дело. Мы ее в горком профсоюза работников сельского хозяйства спихнем.

— Понял. И все же интересно: неужели моя дура приходила жаловаться?

— Приходила на прием... Так что принимай меры, чтобы в половине двенадцатого сегодня был дома! Я позвоню — проверю...

Некоторые комсомолки, переоценив свои возможности, едва держались на ногах. Кто не сумел вовремя уйти, спали, ткнувшись лицом в стол. Чушин стоял рядом с Громовым и вводил его в курс недавнего разговора. Я прислушался.

— Арсеньева пойдет домой одна. Понял?

— Понял. А Тихонова? — покраснев от выпитого, спрашивал Громов.

— И Тихонова тоже.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось. Тебя скоро на мое место поставят...

— А тебя куда? — Громов икнул.

— Меня возьмут в горком партии вместо Шиловой, сколько раз тебе одно и то же объяснять?

— За это стоит выпить!

— Никаких выпивок! Хватит! Поехали по домам!

Вот так под пьяную руку произошло перераспределение портфелей, во время которого все почему-то позабыли про меня. Во время бурных перемен всегда забывают о рядовых исполнителях, думал я, и мне хотелось плакать. Я выпил подряд три стопки водки и налил еще, но в этот момент меня сзади обнял Чушин:

— Константин, ты же не пьешь! Давай завязывай с этим делом, мы ведь тебя на той неделе в партию будем принимать.

— Я готов. Хоть сейчас, — вырвалось у меня на радостях.

— Чудак человек, кто же тебя в нетрезвом виде примет? — смеялся Чушин. — В понедельник пиши заявление, что хочешь быть в первых рядах строителей коммунизма... Я скоро перейду на работу этажом выше, и мне будет тебя не хватать. Понял?

— Понял.

— А теперь выполни мое первое партийное поручение, — Чушин попробовал поднять лежащую головой на столе Свету Тихонову. — Проводи ее и Наташу Арсентьеву... Но чтобы... смотри у меня...

Если бы заранее знать, что придется тащить девиц по домам, я ни за что не позволил бы им напиться до такой степени.

Как только мы вышли на улицу, ноги у них заскользили, и обе рухнули в сугроб. Светку вырвало, ондатровая шапка у нее съехала на затылок. Наташка бормотала что-то нечленораздельное и лезла рукой ко мне в брюки. У водоразборной колонки я попробовал умыть девушек ледяной водой, чтобы они пришли в чувство, но не тут-то было. Наташка села на снег и запела: «Не расстанусь с комсомолом...» Светка ползала рядом и пыталась ей подпевать. Глядя на них, я был готов зареветь. Замерзнут ведь — что тогда? Прощай, партия...

Но на мое счастье, на дороге показалась милицейская машина. Утопая по колено в снегу, я кинулся ей навстречу. Вместе с милиционерами, один из которых оказался секретарем комсомольской организации ГОВД, мы затолкали девиц в милицейский «бобик» и развезли по домам.

В половине первого ночи я отправился к Алке, чтобы порадовать ее новостью о предстоящем повышении. Чушин слов на ветер не бросает. Карьера обеспечена. За это можно и выпить.

В кармане оттопыривалась бутылка водки, которую я взял в ресторане, закуска лежала в другом. Голова гудела, но на ногах я держался. Двигаясь навстречу снежной круговерти, я представлял, что прокладываю в тундре санный путь, и, чтобы было веселей, громко, на всю улицу, пел:

Я в мир удивительный этот пришел
Отваге и чести учиться.
Спасибо тебе, дорогой комсомол.
Ты можешь на нас положиться...

КАФЕ

НА ИЗЛОМЕ

Складная, в черном кожаном пальто хохлушка, смуглолицая и чуть узкоглазая, — Женька видела ее на рынке торговавшей семечками — с навязчивой настырностью стучала сапогом в дверь. Стекло дребезжало, но железный запор держал крепко. Впускать хохлушку не имело смысла: часы показывали четверть шестого, кафе же работало только до пяти.

Держа в руках маленькое зеркальце, Женька подводи- ла губы. Она привыкла, что после закрытия кафе посе- тителей словно прорывает: торговцы, опомнившись, что у них за весь день во рту не было маковой росинки, прут девятым валом. Особенно упрямы убежденные сединой азербайджанцы. Им что в лоб, что по лбу — лепечут что-то себе под нос, машут руками, словно журавли крыльями, а чего говорят — не поймешь. Армяне хоть и с ехидцей, а понимают с полуслова. Закрыто — значит, закрыто. Грузины, с их врожденным самолюбием и гордостью, возле закрытых дверей стоять не любят. Обедают и ужинают в самом престижном городском ресторане «Северный край», в кафе же заходят от нечего делать. А вот белорусы, приехавшие на рынок с огромными бочками крепких соленых огурцов или с десятком матрасовидных мешков семечек, могут прийти когда угодно. Им все равно, где есть, лишь бы поближе да подешевле. Ресторанов и кафе по- солиднее для них не существует. Ночуют в доме колхозника, что находится в двух шагах от рынка. А уж если есть покупатели, то им не то что некогда перекусить — в туалет сбегать времени не хватает.

Женька неторопно обула сапоги, с трепетом застегнула недавно вшитую, но уже расшатавшуюся молнию — утром, когда она опаздывала с Ленкой в детский сад, молнию, как нарочно, заклинило, — поправила перед зеркалом джемпер и взялась за пальто.

Между тем стук в дверь не прекращался, и Женька раздраженно, словно ей наступили в автобусе на ногу, пошла разбираться, в чем дело.

— Закрыто уже! — на всякий случай машинально про-

изнесла она. — Кафе работает до пяти, а время уже шестой час.

— Милая, мне только булку хлеба и пару яиц, — запричитала хохлушка. Пальто у нее расстегнулось, мохеровый шарф, используемый вместо шапки, съехал на шею.

«А ведь она моих лет», — подумала Женька, ужаснувшись тому, что сделало с женщиной кочевье по рынкам, но внутренне еще сопротивлялась желанию впустить торговку в кафе. Почему она обязана всякий раз задерживаться? Ведь надо еще пробежать по магазинам, купить молока, потом сломя голову мчаться в детский сад и выдержать молчаливый поединок с воспитательницей, которая к этому времени уже напоминает приготовившуюся к броску кобру. Пока Ленка одевается, приходится что-то говорить, оправдываться, заискивать. Кобра будет стоять в дверях, выжидая момент, чтобы укусить. И обязательно куснет:

— Ведь вы, мамочка, уже не первый раз задерживаетесь, постарайтесь брать ребенка пораньше!

Так и скажет, словно никаких других слов, кроме «мамочка», в ее лексиконе нет. Нашла мамочку. Для Женьки это как нож к горлу.

А тут еще хохлушка. Простояла весь день возле своих семечек, а теперь булку хлеба просит, как при карточной системе:

— Всего-то две минутки. Ну, что вам стоит?

— Ладно, давайте деньги, — успокаивает себя Женька тем, что уступает в последний раз. Не устраивать же бурю в стакане воды.

— Держи, милая. — Руки у торговки, как у всех семяночников, с налетом грязи, невымытые, под ногтями чернота, лицо смуглое, загорелое, черные брови почти что срослись на переносице, во рту поблескивают золотые коронки. — Значит, парочку яичек и булку.

— Пирожки есть с яйцом, — добреет Женька.

Она всегда так, когда с ней по-хорошему. Пять минут назад была готова вспылить и вот уже тише воды, ниже травы.

— Давай, милая, все, что есть. Голод — не тетка, — складывая пироги в полиэтиленовый пакет, улыбается хохлушка. Один из пирожков она бесцеремонно отправляет в рот и, жуя, продолжает жаловаться Женьке на свою жизнь: — Базар называется?! Никаких условий: ни гостиницы путной, ни буфета круглосуточного, одна грязь

да народ. Ладно бы покупали чего, а то только и норовят как бы задарма хапнуть. Попробовать им надо... Кацапы... И так по всей России — куда ни ткнись, везде одно и то же.

На мгновение Женька представила себя на месте хохлушки. Сделать это не трудно. Она знала, что торговки живут в Доме колхозника, который был сооружен еще в прошлом веке и сейчас представлял собой что-то среднее между казармой и конюшней. Тесные сырые комнатухи с устойчивым запахом плесени, облезшие полы черны и загажены, из уборных несет мочой и хлоркой.

Торговки ночевали в Доме колхозника только тогда, когда не было свободных мест в комнате матери и ребенка на железнодорожном вокзале. А некоторые, превратившись в вечно отъезжающих, дремали по ночам в зале ожидания на скамейках. Сидели, скрючившись в полусне, а сердобольный милиционер охранял их покой. Он никого не прогонял, не требовал предъявить билеты, лишь иногда, сунув в рот какой-нибудь приезжей тетке фантик от барбариски, шутил: «Хватай мешки! Вокзал тронулся!» И тетка, открыв ополоумевшие глаза и жуя конфетную обертку, в самом деле делала какие-то хватательные движения, словно у нее спереди мешок.

Женька предложила хохлушке тарелку шей — все равно завтра выливать. Женщина не отказалась. Ела с аппетитом, звучно схлебывая с ложки холодное пойло. Кормили в кафе никуда не годно. Для себя повар готовил отдельно. Зная все махинации с испорченным, пахнущим тухлятиной, мясом, которое, щедро приправив чесночком и луком, пускали на котлеты, Женька вообще брезговала есть на работе. А посетители ели и даже писали благодарности.

Чтобы не смущать хохлушку, Женька ушла на кухню, а когда вернулась, той уже не было. На обсыпанном крошками столе стояла пустая тарелка с ложкой. Приходившие в кафе не отличались особой аккуратностью, ели как свиньи. И если первый год работы Женька не могла смотреть, как после еды старухи вытаскивали изо рта пластмассовые протезы зубов, обтирали носовым платком и засовывали обратно, то со временем привыкли и не к такому.

Легонько смахнув со стола тряпкой, Женька увидела на подоконнике замызганную тряпичную сумку. Наверное, хохлушка забыла, подумала она, взяла сумку за уголок

двумя пальцами и, брезгливо присматривая место, куда бы ее бросить, вдруг увидела, что из нее сыплются деньги: потрепанные рубли, тройки, пятерки, мелочь.

Женька сосчитала все, что было в сумке: 329 рублей 65 копеек. Закрывает входную дверь и повесила два замка.

Кафе находилось в конце павильона «фрукты — овощи», рядом с аптечным киоском, где самым ходовым товаром считались презервативы.

По соседству, на высоких, из мраморной крошки, прилавках местные женщины торговали отборнейшим репчатым луком, свежей капустой и морковью. Цены на лук, несмотря на ноябрь, еще не поднялись выше полутора рублей, а вот капуста уже подорожала немало.

Маленькие, крепенькие, изумительно пахнущие чесноком соленые огурчики уже давно шли по два рубля пятьдесят копеек за килограмм. От острого запаха щипало ноздри, а во рту собиралась слюна. Женька остановилась возле прилавка, и женщина, торговавшая огурцами, приветливо улыбаясь, предложила снять пробу:

— Вы только попробуйте, — нахваливала она свой товар, — пальчики откусите! Для салатика в самый раз, я вас по знакомству задаром угощу.

— Да что вы, я заплачу, — для приличия возмутилась Женька, но огурцы взяла. Дают — бери, а бьют — беги. У торговки не убудет, а ей — не плати, тем более, что цены в этом году кусаются.

Бросив полиэтиленовый пакет с огурцами на дно сумки, Женька, стараясь не смотреть по сторонам, направилась к выходу — прилавки больше не интересовали ее, а проходя мимо торгующих посланцев южных республик, она всегда чувствовала себя настолько скверно, словно у нее лопнула у трусов резинка. Парни здесь молодые, за словом в карман не лезут, а взглядом припечатывают, как футбольным мячом. Почти все знают, что Женька работает в кафе, живет вдвоем с дочерью, без мужа. Для южан это клад. Они любят женщин, работающих в общепите, и не упустят случая намекнуть на желание более близкого знакомства. Особенно настойчив в этом плане Алиджан Каримов, кудрявый горбоносый кавказец лет тридцати, Алик — как называют его приятели. Как увидит Женьку, тут же глаза заблестят, улыбается и лепечет всякую чушь, слушать стыдно:

— Люблю рюсских дэвушек, особенно тех, у кого кровь с молоком в лице!

Нашел, у кого кровь с молоком. Самое обыкновенное лицо, и волосы грубые, жесткие — никакую прическу не сделаешь. Фигура, правда, еще ничего, ножки ровненькие — не стыдно джинсовую юбочку надеть. А в целом посмотришь — ничего особенного.

Вот и Алик. Перед ним лотки с яблоками и хурмой — все по «пять рублей». Сам сидит на ящиках, как купец, посвистывает и по сторонам пялится, словно высматривает кого. А взгляд такой прилипчивый, что, придя домой, Женьке сразу же хочется вымыться.

— Вай-вай-вай, красавица! Неужели мимо пройдешь и ко мне не подойдешь? — кричит он Женьке, и все вокруг поворачивают головы в ее сторону. — Возьми дочке яблочко! Люблю маленьких детей, у кого мамы молодые!

Хорош гусь: у самого трое ребятишек, а все в кавалеры набивается. Не на ту попал. За пять лет работы в кафе Женька еще ни с одним кавказцем не связывалась, хотя какие парни набивались — высокие, красивые, не этому горбоносому чета.

Местные девицы к постояльцам рынка льнут, отбоя нет. А Женьке, как скажет ее лучшая подруга Люська Солдатова, «чернота не по нутру». И яблоко брать у Алика она не намерена. Дело известное: сначала у него яблочко возьмешь, а потом он в гости пожалует.

Но кто ему про дочку растрепал? Не иначе как директор рынка. Пытается толстяк оказывать иногда такие «услуги». Вон и Равилю Абазаряну, приехавшему на рынок с мандаринами, в ответ на просьбу познакомить его с какой-нибудь порядочной женщиной, взял да намекнул на Женьку. Не на ту попал! Впрочем, Равиль не особо и расстроился после отказа — сидит уже в обнимку с двумя «кульками» — девицами из культпросветучилища. Машка Грязная Пятка и Ольга Вафля, как их тут зовут, постоянно околачиваются на рынке. Ольге местные парни за ее усердие над верхней губой мушку выкололи — заметили, чтобы с другими не спутать. Одеты девицы неважненько, но выглядят еще сносно. Года на полтора здоровья хватит, а там начнут по гинекологиям да вендиспансерам таскаться. Судьба незавидная. Вроде Вальки Грибковой, что в Бюро добрых услуг работает, тоже в молодости оторвой слыла, пока однажды не нарвалась... Теперь всю оставшуюся жизнь будет на аптеку работать. Сейчас Валентина по курортам ездит, грязями лечится, но прошлого уже не переделать.

Лишь только Женька вышла из павильона, ее окружили неряшливые, в цветных платках цыганки. Они вчера только что приехали и пока не знают, где Женька работает, думают, что обыкновенная покупательница.

— Падажди, красавица, что скажу, — останавливает ее самая молодая цыганка. — Все вижу, милая, все глаза твои грустные говорят. Падажди, паслушай правду, палажи манетку на счастье. Хороший совет дам...

Женька никогда с цыганами не связывалась — ни сапог, ни косметики у них не покупала, даже если приносили прямо в кафе, где вероятность обмана сводилась к нулю.

— Да отстань ты, ради бога! — отмахнулась она от цыганки. — Работать надо.

— Ой, зря ты, красавица! — не унималась молодуха. — Зря, милая, абижаешь. Ведь беда у тебя в глазах стаит, сердцем чую, что бальная беда. Адумайся, пазалати ручку!..

Женька не слушала, проскочив мимо кооперативной студии звукозаписи, откуда доносился голос Вилли Токарева, свернула к будке «Ремонт ключей», за которой обычно стояли торговки семечками. Но хохлушки в кожаном пальто не нашла.

Вечером позвонила Люська Солдатова:

— Евгения, это ты? — гудел в трубке ее прокуренный голос. — Поговорить бы надо, подьезжай ко мне... Нет, нетелефонный разговор! До встречи.

— До встречи, — Женька растерянно положила трубку на аппарат. Вот еще новости. Не могла по телефону сказать. Тащись теперь к ней через весь город.

С Люськой они лучшие подруги. Вместе поступали в училище, вместе ходили на танцы в Дом офицеров, где и встретили женихов — молоденьких славненьких лейтенантиков. Вместо свадьбы скромно посидели в ресторане и уже приготовились было разделить нелегкую судьбу военнослужащих. Но вскоре у Сергея, Люськиного мужа, приехала из Краснодара мама, и никак Люська не могла ей потрафить-угодить. Пришлось разводиться.

Женьке повезло. У Вадика родители оказались попроще: мать — телятница в совхозе, отец — тракторист. Выбор сына они одобрили, и вскоре Женька родила дочь. И все бы хорошо, но Вадика сначала бросили служить

в Среднюю Азию, потом в Дальнереченск, а оттуда — в Архангельск.

Первое время Женька старалась быть вместе с мужем, тем более что он имел склонность погулять на стороне, а потом плюнула и вернулась к матери. Пусть шляется. Через год развелись, а еще через три года Вадика выгнали из армии, и вместо приличных алиментов Женька стала расписываться за хилую тридцатку, которой хватало только раз сходить на рынок. Но она не жалеет о своей несложившейся жизни командирши, ведь у нее есть Ленка.

У Люськи никого. Но в отличие от Женьки, не сумевшей устроиться никуда лучше, чем в кафе «Колос», подруга работает официанткой в столовой агропромышленного объединения. Обслуживание там получше, чем в привокзальном ресторане: столики застелены розовыми скатертями, в вазочках — цветы, салфетки, меню, музыка играет. Одним словом, полный комфорт. Прохожего с улицы, естественно, близко не пустят. Ведь там и швейцар есть, Николай Александрович — Николай III — упрямый, как бык. На Женьку, когда она заходит к Люське, Николай III смотрит как на врага народа. Службист. До пенсии охранником в колонии работал.

По вечерам подруги иногда ходят в кино. Если Люська настоит — вывалятся в ресторан. Театры и концертные залы не для них, там пока слушаешь, как на скрипке пиликают, три раза выпастся можно. Правда, в ресторане Женьке тоже не нравится. Люська же, пронира, чувствует там себя, словно рыба в воде. Пронюхает о приехавших в агрообъединение блудливых мужичках, заманит сходить в ресторан, а остальное, как говорится, дело техники.

Люська — баба видная, крутая, брови вразлет. Улыбнется кому нужно — и клиент на крючке. Базар-вокзал, про подругу не забудет сказать, и пошло-поехало. У того приятель по номеру в гостинице, у приятеля — день рождения. У них всегда «дни рождения». И Женька уже звонит матери, что надо будет с Ленкой посидеть...

И все же этот Люськин звонок вывел Женьку из привычного спокойствия, думай теперь, что хочешь. Может, подцепила кого? Так об этом сказала бы по телефону открытым текстом. Устроила конспирацию.

Женька отвезла Ленку к матери и стала собираться. Нижнее белье было удивительно свежим. Умеют на загнивающем Западе делать вещи — надевать приятно. Темные

колготки вместе с джинсами «Голден стар» ей привез знаковый врач, ездивший в Данию. Расщедрился. А вот джинсовый костюм «Монтана» она купила сама в комиссионке, отвалив баснословную сумму. Но, одевшись в фирму, она скидывала с себя лет пять и напоминала крутую девицу из телепередачи «До 16 и старше». Зато макияж старил ее, превращал в нудную школьную даму. Так и порхала она между девятнадцатью и двадцатью шестью, в зависимости от настроения. За своей внешностью Женька следила, не ленилась делать по утрам приседания, наклоны, лежа на полу, поднимала ноги до двухсот раз, но для теледив, вроде гимнастки Светланы Рожновой, ей было далеко.

Женька поправила на шее золотую цепочку, еще раз помазала за ушами духами, резко крутанулась перед зеркалом и, словно пушинка, вылетела на улицу.

Довольная собой, она хотела остановить такси. Это у нее получалось очень эффектно. Но, прикинув, что ее поступка никто не увидит и не оценит, даже Люська Солдатов, потому что подруга живет в узком, сплошь перекопанном дворе, где не развернется ни одна машина, Женька решила, что бросаться трояками нет основания.

В душный троллейбус она не вошла — ее внесли, столько было народу. Со всех сторон чувствовались локти и сумки, а сзади, сопя и вжимаясь тазобедренной частью, напирал подвыпивший гражданин предпенсионного возраста. Женька попробовала повернуться к нему боком, но ее зажали, словно в тисках. Так и стояла она до тех пор, пока не стало свободней.

Люська расхаживала по квартире в домашнем халате, растрепанная и заспанная, как с большого перепоя. Она явно никуда не собиралась. Зачем же тогда звала? Женька ждала объяснения.

— Ты бы еще вуальку надела! — поддела Люська. — Куда вырядилась-то?

— Сама же позвонила, — Женька стояла в прихожей готовая в любой момент развернуться и уйти. Люська пребывала в плохом настроении. Иногда с ней случалось такое, и Женька по опыту знала, что в эти моменты ее лучше не трогать.

— «Позвонила...», — передразнила подруга. — Раньше надо было думать. Читай вот. — И она сунула Женьке под нос повестку из кожно-венерологического диспансера. — Любишься! Доподцеплялись молодых да веселых...

Я еще когда первый раз твоего Сергея увидела, подумала, что не к добру это. Скользкий он, как рыба. Ну, чего молчишь?..

— А что говорить?

— А то, что он триппером нас наградил, козлина вонючий... Через него в вендиспансер вызывают, у меня сердце чувствует.

— Я не понимаю: ты-то тут причем? — удивилась Женька. — Сергей со мной был, а с тобой Константин Георгиевич, как сейчас помню... Или ты на два фронта успевала работать?

— Представь себе.

Но представить это было не так легко. Женьке захотелось хлопнуть дверью и уйти. Люська выглядела отвратительно, особенно мерзкой казалась ее бородавка на правой щеке. Но Женька решила довести разговор до конца.

Честно говоря, не любила она эти примитивные «дни рождения», но Сергей покорила ее своей интеллигентностью и начитанностью. С ним ей было интересно — всегда такой галантный, аккуратный, добрый. «Чио Чио Сан» ходили смотреть в театр. Да и потом он поздравлял ее на октябрьские праздники открыткой... Главный инженер районного отдела капитального строительства... Может, Люська разыгрывает ее?

— Говоришь, заразил, но почему же тогда я ничего не чувствую? Ведь должны же быть какие-то симптомы? — спросила Женька.

— Симптомов захотела?! — заорала Люська. — Когда появятся симптомы, тогда уже поздно будет. Сгниешь и пикнуть не успеешь.

Но гнить в прямом смысле слова Женька не собиралась. Пусть Люська гниет, ей все равно, а Женьке надо Ленку поднять, дожидаться, пока она школу закончит, замуж выдать.

Трезво оценив ситуацию, она решила действовать и, как только покинула Люськину квартиру, перво-наперво позвонила знакомому врачу, с которым стакнулась в позапрошлом году на юге.

Тридцатилетний хирург-уролог успел поработать в Бразилии, закончил ординатуру, часто бывал за границей и имел в городе неплохую репутацию. Его супруга, Жанна Иосифовна, чистокровная еврейка, тоже была медиком, но пошла по административной части и заведовала поли-

клиникой. Деловая, занятая, не ко времени ставшая полнеть, она стыдливо прикрывала длинной юбкой свои толстые, как у слонихи, ноги и больше думала о карьере, чем о муже. Именно в таких ситуациях мужчины и заводят любовниц. Юрий Альбертович сделал то же самое... Не раз для того, чтобы снять номер в гостинице Новороссийска, где Женька отдыхала вместе с доктором, она превращалась в Жанну Иосифовну и предъявляла ее паспорт. Женька была хорошей любовницей, и доктор не мог этого забыть.

— Алло... Это квартира Орловых? Юрий Альбертович? — осторожно спрашивала Женька. — Здравствуйте... Это Евгения вас беспокоит... Какая Евгения? Самая обыкновенная: две руки, две ноги... Если нужны подробности, то вспомните Новороссийск, пляж, гостиницу... Вот и отлично...

Доктор встречал ее возле дома. Поджарый, в спортивном костюме и кроссовках, он вышел словно на пробежку, но сам так и стрелял глазами по сторонам. Женьку он сразу не признал, слишком хороша она была в своем вечернем наряде. И тогда она остановилась напротив него.

— Вот и я!

— Господи, Евгения, а я ведь, честно признаться, тебя не узнал. Богатой будешь. — Он выразительно посмотрел ей в глаза. — Жанна уехала в столицу, на какие-то курсы, раньше субботы не приедет...

В квартире он достал из бара бутылку коньяка. Как всегда, «Белый аист».

— Давай по чуть-чуть. Только ты не стесняйся, будь как дома, а то сидишь, словно на Ярославском вокзале. — Доктор включил музыку.

— Я ведь по делу пришла, посоветоваться, — заговорила Женька, покручивая в руке хрустальную рюмку.

— Посоветуйся, — улыбнулся доктор и притянул Женьку к себе, но она оттолкнула его.

— Я не за этим.

— А за чем? — почти что пропел он, сгребая ее в свои объятия.

— Триппер подцепила...

— Как грубо! — возмутился доктор. — Заболевание, вызываемое гонококком Нейссера, называется гонореей.

— Вот именно, — злилась Женька. — Нужна твоя помощь.

— А что я буду иметь? — Юрий Альбертович про-

должал заваливать Женьку на софу, и тогда она догадалась, что он хочет...

— Но я же больная.

— Гонорея оральным путем почти что не передается, — шрек хирург-уролог.

— Я пришла посоветоваться, а не слушать лекцию полового извращенца, — направляясь к выходу, бросила Женька.

— Это кто же, по-твоему, половой извращенец? — поднялся доктор. — Да если на то пошло, то твои рыночные кавалеры в этой науке поднаторели побольше меня...

Ночью Женьке снились кошмары — ее выставляли нагой перед мерзким, с окровавленным глазом армянином, которого она однажды видела на рынке, и тот вонзал ей в шею шприц и выкачивал кровь...

Полистав утром сонник, она прочитала, что рана с кровью снится к потере любовника, а нагота — к болезни. Круг замыкался. А тут еще вспомнилось цыганкино предсказание. Совсем тоска.

С утра, прежде чем зайти в кафе, Женька обошла торговцев семечками. Она хотела поскорее вернуть хохлушке ее деньги, но той, как нарочно, не было.

Возле будки «Ремонт ключей» Женька расслышала разговор двух ханыг, которые, как ей показалось, искоса поглядывали на нее.

— Сигаретку дай, — шепеляво тянул один.

— У меня только «Север», — хлопнул себя по карману другой.

— Давай! Кто не курит «Северок», тот подхватит трипперок.

Женька покраснела, словно ханыги говорили про нее. Решение пришло неожиданное и простое. Алиджан Каримов наверняка должен разбираться в этих делах. Хоть и неудобно подходить к нему с таким вопросом, да другого выхода все равно нет. И Женька подошла к кавказцу.

— Алик, можно тебя на минутку?

— Хоть на всю ночь, — шутил тот. — Слушаю. В чем дело?

— У меня интимный вопрос, — смущенно начала Женька, чувствуя, как превращается на рынке в объект общественного внимания номер один. — Подружка у меня птичью болезнь подхватила... три пера называется.

— Французский насморк, что ли? — оскалился Алид-

жан. — Пусть трет к носу — все пройдет. А если серьезно, то были бы деньги, как говорил мой отец. Пусть приходит с сотенной... Я знаю одного ветеринара — лечит на дому. Две недели — и никаких последствий... Кстати, он и абортует.

— Так ведь она не лошадь, — не выдержала Женька.

— Не хочешь к ветеринару — могу с гинекологом свести, но этот в пять раз дороже берет, у него кооператив.

— Откуда у меня такие деньги, — проговорила Женька, и Алиджан сразу же уловил смысл сказанного.

— Я дам, если надо...

— Да я не о себе пекусь, — смутилась она, поняв, что сказала лишнего, и, не зная, как теперь выкручиваться, продолжала: — Подруга у меня есть, Люська Солдатовая...

— Знаю эту заразу. Ее не то что лечить, убивать пора. В агропромовской столовой работает, сучка. Наши ребята ей морду уже не раз били. Ну и подруги у тебя!

До обеденного перерыва Женька ходила сама не своя. Но вот, примостив на стеклянной двери табличку «Закрывается», посудомойка Клава Руль, прозванная так из-за несуразно длинного носа, всунула в ручку двери швабру, чтобы снаружи не дергались. Осторожно ступая больными, распухшими ногами, вылезла из-за кассового аппарата Валентина Георгиевна, наложила себе полную тарелку рассольника и медленно, как гусеница, направилась к столу. Шеф-повар ест рассольник, как всегда, побрезговал — достал из котла куриную ножку. И только Клава Руль, спившаяся, потерявшая человеческий облик, баба пятидесяти лет, в ожидании особого приглашения за стол не села. У нее и сын такой же спившийся — Вовочка. Сейчас он в ЛТП, и Клава постоянно намекала Женьке, что та может составить ему пару.

— Он ведь у меня золото! — говорила она, пропустив пару флаконов боярышника. — Тихий, скромный, мухи не обидит... А как на гитаре в детстве играл! Думала, музыкантом станет.

— У меня свой такой музыкант был, — смеялась Женька. — Едва избавилась...

— Вовка не такой, — уговаривала Клава, — ты ведь не видела его, а уже бракуешь.

Такие разговоры случались ежедневно, уж больно Клаве Руль нравилась Женька. Но сегодня чувствовалось какое-то отчуждение даже со стороны Клавы. Все уткнулись в свои тарелки и жуют, слова никто не скажет.

— Умер, что ли, кто? — спросила Женька.

— Тебя надо спросить, — подала голос Валентина Георгиевна. — Подружка твоя с утра приходила, Люська. Тебя спрашивала...

— Ах вот оно что. Из-за этого вы и в молчанку решили поиграть. И что же эта шалава рассказала?

— Много разного...

Получалось, что на работе все уже были в курсе случившегося. Не хватало только, чтобы разговоры о болезни дошли до матери или детсада, куда ходит Ленка.

Вечером к ней домой явился Алиджан:

— Бери три сотни и поехали к доктору, — с порога заговорил он. — Такси вниз, у подъезда.

Женька не успела даже сообразить, через кого он узнал ее адрес, кинулась было одеваться, но вспомнила, что у нее нет этих самых трех сотен.

— Займи, — подсказал Алиджан.

— У кого?

— У меня, — подмигнул он, — потом рассчитаемся.

В понятие «рассчитаемся» он вкладывал определенный смысл. Но связаться с ним означало загнать себя в кабалу и зависеть не только от него, но и от всех рыночных ребят. Лежащие в сумке деньги хохлушки Женька взять не решилась.

— Я ведь забыла тебе сказать, что уже в вендиспансере была, — соврала она, чтобы отвязаться от услуг непрошеного гостя.

— Наше дело предложить — ваше дело отказаться, — бросил Алиджан и ушел.

Женьку охватила истерика. «Дура! Дура! — твердила она. — Доигралась! Как веревочка не вьется, а кончик все равно найдется». Она всхлипывала, растирала заплаканные глаза. Ей не спалось. Ей не сиделось. Она не знала, куда кинуться. Еще неделю назад она сочинила объявление в службу знакомств: «Брюнетка спортивного телосложения и приятной наружности, хорошая хозяйка и любящая мать пятилетней дочери, хочет познакомиться с женщиной не старше тридцати лет, без вредных привычек, с целью создания семьи...» Отнести объявление она не успела и теперь, когда оно попало на глаза, остервенело изорвала в мелкие клочья. Хорошая хозяйка и любящая мать...

На следующий день вместо работы она отправилась в кожно-венерологический диспансер, который размещался

в мезонине используемого под поликлинику дореволюционного особняка.

В душном тесном коридорчике на расставленных вдоль стены стульях сидели два парня послеармейского возраста, нахальные и развязные, и пожилая женщина с подростком. Увидев Женьку, парни перемигнулись и, хихикая, предложили место рядом с собой. Но Женька садиться не стала.

Дверь кабинета открылась и вышел мужчина в белом халате.

— Ну что, Вовик? — обратился он к подростку. — Придется пройти курс лечения.

Женщина тут же закатала сыну звонкий подзатыльник. Парни засмеялись, а когда доктор с одним из них ушел в кабинет, оставшийся в коридоре заметил:

— Не дрейфь, пацан! Ничего страшного! Это тебе не СПИД...

Но мать тут же увела ставшего было хихикать сына прочь. Женька осталась с парнем вдвоем. В джинсах, модной куртке, он сидел, забросив ногу на ногу, и искал повода, чтобы заговорить с Женькой. Наконец не выдержал:

— Извините, у вас тоже что-нибудь венерическое?

— А что? — парировала Женька.

— Интересно все же. Встретил бы вас где-нибудь в автобусе или в кинотеатре — ни за что не подумал.

— Я тоже не подумала бы...

Два дня после посещения вендиспансера, пока делали анализы, Женька ходила сама не своя. Ни с кем не разговаривала, всех сторонилась. Словно прокаженная, старалась обходить знакомых. И поэтому, когда встретила хохлушка в кожаном пальто, Женька сразу даже не поняла, что ее с ней связывает, и только отойдя шагов на двадцать, вспомнила про сумку с деньгами.

Пропажа возвратилась к хозяйке, за что торговка сунула Женьке четвертной. Зажав деньги в руке, Женька так и шла, пока возле выхода с рынка ее не окружила толпа цыганок. Самая молодая из них, кажется, та, что наворожила ей болезнь, спросила:

— А чем печалишься, красавица? Что сердце твое тревожит? Вижу, беда большая рядом ходит... Палажи рубль на ладонь — все беды твои атведу!

— На вот, — Женька протянула цыганке двадцать пять рублей. — Возьми...

— Вижу сердце твое доброе, — обрадованно запричитала предсказательница. — И за дабрату твою все невзгоды рассеются, как утренний туман. Верь мне, галубушка, правду гаварю.

По совету матери, женщины не набожной, но суеверной, Женька сходила в церковь, поставила свечку перед иконой Владимирской Богородицы и причастилась. Прихожан было немного, на Женьку никто не обращал внимание. Пришла себе и пришла. Она даже захотела исповедаться, но не знала как это сделать. Спросить же никого не решилась — постояла минут пятнадцать, украдкой перекрестилась и вышла на паперть. Там она дала нищим щедрое подавание и обреченно, словно приговоренная к смертной казни, отправилась к дому с мезонином за результатами анализов. Теперь она готова была принять все. Позор. Насмешки знакомых. Презрение сослуживцев по работе. Только бы скорее все закончилось.

Доктор, как и в первую встречу, подробно расспросил Женьку о ее партнерах. Высокий плечистый здоровяк, уже убеленный сединой, но еще нестарый, пришелся Женьке по душе, говорить с ним было легко, потому что он обо всем догадывался с полуслова. В завершение беседы, словно подводя итог встрече, он сказал:

— Так вот, Евгения Павловна, никакого заболевания по нашей части лабораторные исследования не подтверждают, но мой вам совет: остерегайтесь случайных связей. Конечно, это звучит банально, но я говорю вам от всей души. Что касается гражданки Солдатовой, то у нее действительно обнаружено заболевание, и надо сказать, что цепочка зараженных через нее весьма продолжительная.

Выйдя из поликлиники, Женька почувствовала себя как в детстве во время праздника. Ей даже захотелось пойти в ресторан и чуть-чуть выпить — отметить благополучный исход случившегося, но надо было идти на работу.

В кафе она всем подряд дерзила, вела себя крайне вызывающе. А когда шеф-повар по привычке попытался ее пощупать, тут же пожаловалась зашедшему в кафе Алиджану, что повар хотел ее изнасиловать. В тот же вечер два неизвестных парня жестоко избили повара, когда он пробирался в свою холостяцкую квартиру. На другой день стоило Клаве Руль появиться на работе с запахом

боярышника изо рта, как Женька позвонила по телефону-автомату в контору общепита — Клаву зафиксировали в приказе и уволили по тридцать третьей статье.

Женька мстила всем, кто ее в эти несколько дней унижал и презирал. Даже Люське Солдатовой она написала в объединение анонимку о том, что она состоит на учете в вендиспансере. Через неделю Люську с треском выгнали с работы.

Следующим на очереди стал доктор Орлов. Договорившись с Юрием Альбертовичем о встрече на даче, Женька позвонила Жанне Иосифовне. Произошел скандал с шекспировскими страстями. За аморальный образ жизни доктор был исключен из рядов КПСС...

После всего этого Женька почувствовала себя отомщенной и, как только наступило лето, махнула на юг, в Ялту. Полоса невезения прошла, созвездие Тельца, под которым она родилась, обещало ей большую удачу, путешествия и сильную любовь. Опасаться же предстояло в ближайшее время простуды и деловых связей. Но все это ерунда!

Вздымалось и пенилось самое синее в мире море. Палило нещадное южное солнце. Гудели большие белые пароходы. И это казалось счастьем...

**НОЧНОЕ
ДЕЖУРСТВО**

Валерию Константиновичу Журавлеву — врачу терапевтического отделения — предстояло ночное дежурство. Случалось

это примерно раз в месяц, но, в отличие от коллег, Журавлев никогда не спорил из-за очередности, потому что мог вообще находиться в больнице круглосуточно. Это был его второй дом.

Худощавый, с ввалившимися гладковыбритыми щеками и узкими, как у татарина, глазами, Валерий Константинович в сорок два года выглядел гораздо старше, и больные без труда узнавали длинную ссутулившуюся фигуру врача издалека.

По давней, ставшей законом привычке, приняв дежурство, Журавлев обошел всех тяжелобольных, затем поднялся в ординаторскую, включил телевизор. Но одному не сиделось. Отправился вниз, в приемный покой.

Проходя мимо шестой палаты, не удержался, заглянул в приоткрытую дверь. Коля Капустин, таксист, попавший в больницу с обострением язвенной болезни желудка, сидел на подоконнике и рассказывал анекдоты, остальные больные лежали в пестрых полосатых пижамах поверх одеял. Видно, не зря говорят, что человек не лечится в больнице, а лежит — какое лечение, если аптека вот уже месяц держит отделение на голодном пайке, обеспечивая лекарствами только наполовину.

Увидев Валерия Константиновича, Капустин оживился и, словно специально для него, заговорил громче:

— А хотите анекдот из пяти слов? Тогда слушайте. Диалог влюбленных. Он и она: «Любишь?» — «Люблю». — «Женишься?» — «Нет». — «Слазь!»

В углу палаты кто-то рассмеялся. Но лежащий с краю от двери девяностолетний старик Барабанов забился в приступе кашля. Пожелтевший, высохший, как мумия, Барабанов уже давно дышал на ладан — вставал с кровати редко, по нужде ходил в судно, и единственное, что его еще крепко связывало с жизнью, так это зверский аппетит. Он постоянно просил у медсестер добавки, особенно если разносили манную кашу.

— На зону бы тебя, Николай, — с усмешкой заметил, выслушав анекдот, Вася Филин, мужик с циррозом печени, вор-рецидивист, просидевший две трети своей жизни в лагерях и тюрьмах. — Там любят таких веселых.

В свой первый день пребывания в больнице Вася пожаловался Журавлеву, что раздатчица экономит на больных суп.

— Не доливает! — деловито заметил он, показывая врачу исколотые татуировками пальцы. — На мизинец не доливает, сука!

Тем, кто попадает в больницу после заключения, с непривычки все порядки кажутся странными. Они начинают заводить свои, и тогда их приходится выписывать досрочно.

От шестой палаты Валерий Константинович прошел к столу медсестры первого поста, посмотрел карточки вновь поступивших в отделение больных. Ничего исключительного в них не было: ревматизм, гастрит, воспаление легких, пневмония. Всех больных уже распределили по палатам. Четырех человек утром выписали, четырех — положили. Свободных мест в отделении нет, как в гостинице. Исключение лишь раскладушки и кушетки, что стоят в коридоре. В будничные дни они пустуют, а в праздничные здесь не пройти — не проехать.

Шаркая по полу казенными шлепанцами, в домашней пижаме и шерстяных носках, к столу тащится пенсионер Евдокимов. Как бывший ответственный партработник районного масштаба, Евдокимов лежит в одноместной палате и требует к себе особого внимания. За две недели пребывания в терапевтическом отделении Семен Елизарович уже трижды уходил домой, беседовал с заместителем главного врача, поругался с зав. отделением и успел написать четыре жалобы. Две — на плохое лечение, одну — на безобразное питание и еще одну — на отсутствие у медперсонала милосердия и сострадания к больным.

— Валерий Константинович, добрый вечер! — ехидно тянет Евдокимов. — Смотрю, на дежурство вышли?

— Так точно! — не поднимая глаз от бумаг, отвечает Журавлев. — Как здоровье, Семен Елизарович? Полегчало ли хоть маленько?

— Куда там, — Евдокимов тяжело вздыхает, морщится, словно только что выпил горькое лекарство, поглаживает грудную клетку. — Давление все время прыгает, да и сердечко того...

Лечащий врач предупредила Журавлева, что утром Евдокимов ходил по отделению в костюме с орденскими планками на груди, собирался выписываться, но потом вдруг передумал, решил остаться еще на недельку.

— Может быть, укольчик обезболивающий сделаем? — осторожно спросил Журавлев.

— Не хватало только, чтобы на старости лет меня СПИДом заразили, — забурчал Семен Елизарович. — Вы бы мне, дружок, снотворного дали, люминальчику, например... Вторую ведь ночь не сплю. За стеной, в девятой палате, то кашляют, то чихают...

— Лекарствами, Семен Елизарович, медсестра распоряжается. Я к ним доступа не имею.

— Тогда прикажите ей! — побагровел Евдокимов, и Журавлев понял, что так просто он не уйдет.

— Светлана Евгеньевна! — позвал Валерий Константинович. — У больного Евдокимова из десятой палаты бессонница, дайте ему, если есть, таблетку снотворного.

Встретившись с удивленным взглядом медсестры, Журавлев незаметно для навязчивого больного подмигнул ей. — У нас есть люминал?

Никакого люминала на посту сроду не водилось, но, принимая заданные условия игры, девушка на полном серьезе сказала:

— Сейчас посмотрю.

Щелкнув замочком шкафчика с лекарствами, она достала упаковку сибазона и, вытащив одну таблетку, подала Журавлеву:

— Все, что есть. Но под вашу ответственность. У нас ведь все снотворное на строгом контроле.

Заслуженный пенсионер довольно засопел и гордой походкой победителя отправился в свою палату.

В приемном покое, где предстояло Журавлеву коротать ночь, в отличие от дневного времени стояла непривычно леденящая тишина. Сиротливо жалась к стене старые облезлые стулья. Санитарка только что вымыла пол и теперь гремела ведром в вестибюле. Стерильная белизна облицованных белой плиткой стен казалась зловещей, особенно та часть, где висел выгоревший на солнце плакат «Неотложная помощь при отравлениях». В единственное выходящее во двор окно виднелась освещенная фонарем запертая на всякий замок дверь морга. От такого соседства на душе становилось скверно.

Валерий Константинович подошел к окну и наглухо задернул шторы. Скорее бы Валентина вернулась, вспомнил он, сказала, что в детское отделение ходит и тут же назад, а все нет.

Валентина — дежурная медсестра приемного покоя терапевтического отделения, довольно привлекательная и вполне симпатичная женщина тридцати пяти лет. Сегодняшнюю ночь им коротать вместе.

Стоило Журавлеву узнать, что дежурство выпало с Валентиной, он по-мальчишески обрадовался и теперь, вспомнив свое утреннее настроение, устыдился его. Конечно, Валентина женщина одинокая, да и ему не век в разведенцах ходить — дочери девятнадцатый год, почти невеста, — но за двенадцать лет холостяцкой жизни, честно говоря, отвык от женщин. Обедает в столовой или в больнице, белье носит стирать в прачечную, свободное время проводит в шахматном клубе — в прошлом году перворазрядником стал. А еще у него есть любимая работа, которая стала главным смыслом жизни.

Французы говорят: ищите женщину. Журавлев искал, но за годы безрадостного супружества и холостяцкого бытия он так и не научился разбираться в женских причудах, боялся слабого пола. Не знал, что делать, чтобы не показаться слишком развязным или до смешного стеснительным, — сразу заваливать в постель или читать Тютчева.

Трудно ему приходилось и в молодости, когда он работал терапевтом в здравпункте текстильной фабрики. Бойкие бабенки не очень-то церемонились с начинающим доктором. Крепкие, пышущие здоровьем, они по делу и без дела забегали в здравпункт — измерить давление или попросить таблетку от головной боли. Даже женщины в возрасте, усталые, издерганные работой и детьми, словно мимоходом наведывались к нему и смотрели на доктора, как на диковинную зверушку. И сам он тоже чувствовал себя кем-то вроде заморского страуса, ибо жить в бабьем царстве, как называли фабрику, и не подцепить ни одну из женщин считалось не только ненормально, но и позорно. С чьей-то легкой руки странного доктора окрестили Айболитом.

— Пойду к Айболиту схожу, может быть, бланку выпишет, — говорила одна работница другой, и Валерий Константинович, проходивший рядом, знал, что это про него говорят.

Устав от постоянных насмешек, он собрался уйти с фабрики, написал заявление об увольнении и отнес директору. Слух об этом сразу же разнесся по всем цехам: Айболит увольняется! Женщины не на шутку забеспокоились — хоть и чудной доктор, но уже успели привыкнуть к нему, — прислали парламентаров. Председатель профкома и секретарь парторганизации два часа уговаривали его не спешить, обдумать решение как следует. В качестве материальной заинтересованности предлагали дополнительную ставку инструктора производственной гимнастики.

Растроганный таким вниманием, доктор чуть было не пустил слезу и еще три года добросовестно измерял фабричным женщинам давление, ставил банки и выписывал рецепты. Судьба же готовила ему перемены.

Оказавшись в малознакомой шумной компании, он встретил свою будущую жену. Нина сидела рядом, подкладывала в его тарелку холодной закуски, а он не решался пригласить ее на танец, боялся, что она откажет — такой недоступной тогда показалась. Киноактриса и только. Но вскоре выяснилось, что «киноактриса» работала на почтамте телефонисткой. Льяные волосы оказались дешевым париком, а привлекательная внешность — искусством макияжа. И все же в мае они расписались, а в январе родилась дочь Танька. Но не зря, видно, говорят: кто женится в мае — всю жизнь будет маяться.

— Валерий Константинович, заждались? — В приемный покой вошла Валентина. Губы ее улыбались, глаза смотрели многообещающе. — Сказала, что на минутку, а задержалась на полчаса.

Обдав Журавлева волнующим запахом духов, Валентина изящно развернулась на каблучках и, не включая света, скрылась в помещении санпропусника.

«Может быть, сделать ей предложение?» — как очень порядочный человек подумал очарованный Журавлев, но, вспомнив, что потом придется укладываться с ней где-нибудь на кушетке, отогнал эту мысль.

Уличная дверь в вестибюле громко хлопнула, и в приемный покой стремительно влетела фельдшер скорой помощи Князева. По незастегнутому пальто, съехавшей на затылок медицинской напачке Журавлев понял, что Князева привезла тяжелобольного.

— Валерий Константинович, нужна мужская сила! —

привычно скомандовала она, и уже на улице в спину опередившего ее Журавлева пояснила: — Острая алкогольная интоксикация! Возраст и фамилия больной не установлены, обнаружена в бессознательном состоянии во дворе гостиницы «Колос».

Возле «рафика» возился дядя Паша — щупленький мужичок предпенсионного возраста. Увидев Журавлева, он полез в кузов, высунул ручки носилок:

— Принимай!

— Осторожнее, ребята! — наблюдая, как дядя Паша небрежно пихнул носилки с больной, крикнула Князева.

— Нажрут всякой погани, а потом осторожничай с ними! — ворчал дядя Паша. — В медвытрезвитель таких надо. Пусть там с ними занимаются. Распустили молодежь! Только пьянство да е... на уме, а работать не хотят.

— Помолчи, Егорыч! — властно осадила водителя Князева. — Только твоего мата не хватало. Целая смена впереди.

В скорой помощи Князева — ветеран труда. За свою жизнь всякого насмотрелась, в начале пятидесятых годов по ложному доносу соседки — учительницы даже успела побывать на Колыме, но мата не переносит. Спорить с ней все равно что лаять на лампочку.

— Куда? — недовольно сопел дядя Паша, держа носилки. Лицо у него раскраснелось, хоть прикуривай. Он боялся, что девицу придется тащить на третий этаж, в терапевтическое отделение, но Журавлев свернул к санпропускнику.

— Возьмите вот, — подала Князева ондатровую шапку. — Рядом валялась. Ее, должно быть...

Валентина склонилась над больной.

— Кожа холодная, но без видимого обморожения, дыхание прерывистое, затрудненное, зрачки сужены...

— Давайте, Валентина Сергеевна, сделаем внутривенный гипертонический раствор, — всматриваясь в бледное лицо лежащей, распорядился Журавлев. Он был опытный доктор, всякого за свою больничную практику насмотрелся, но сейчас ему сделалось нехорошо. Голова кружилась, руки дрожали — перед ним лежала его родная дочь. Танька. Он узнал ее уже по шапке, которую подарил ей на восемнадцатилетие. Но откуда шуба? Танька ходила последнее время в пальто...

Он стоял, как чумной, и не знал, что делать. Валентина тем временем принесла алюминиевый таз, поставила

возле кушетки. Промывание желудка в таких случаях всегда дает положительный эффект.

— Я за мужиками в шестую палату схожу, надо отнести в отделение. — Он почувствовал, что может заплакать и вдруг заторопился: — Я быстро... а в карте больной напиши: Журавлева Татьяна Валерьевна... Девятнадцать лет...

В палате уже все спали, и разбудить Колю Капустина стоило труда.

— Что? Что такое? — вскинулся он, но, увидев доктора, притих. — Валерий Константинович?

— Нужна физическая сила.

— Это мы мигом, — залезая в байковые полосатые штаны, приходил в себя Капустин, — помер, что ли, кто? Ваську будить?

Николай Капустин и Василий Филинов, прозванные больными «зондеркомандой», привлекались медсестрами для транспортировки умерших, за что раз в неделю получали пятьдесят граммов спирта.

— Без Василия обойдемся.

— Ага, — согласился Капустин. — Что стряслось?

Вдвоем перенесли носилки в терапевтическое отделение, уложили Таньку в коридоре, на раскладушке, медсестра поставила ей капельницу.

— Во, нажралась! — не уходил из коридора Капустин. — На дармовщину, поди?

— Помолчи! — не поддержал разговора Журавлев.

— Она да Галька Чиж постоянно ловят шибко богатых мужичков в «Колосе».

— Знакомая?

— Журавлиха-то? Она все лето в центре города квасом из бочки торговала. Б... известная — кто ее не знает?

— Ладно, Николай, спасибо, что подсобил. Иди спать, — оборвал Журавлев.

Все так. Танька заканчивала десятый класс, когда Валерий Константинович попытался направить ее по своим стопам, в мединститут или, на худой конец, в медучилище... А она пошла в горторг и все лето загорала возле бочки с квасом.

В ординаторской зазвонил телефон. Валерий Константинович снял трубку.

— Журавлев слушает.

— Валерий Константинович, спуститесь, пожалуйста, в кардиологическое, у нас с больным неладно...

— Сейчас приду.

Он уже было собрался сбежать на второй этаж, но по доносившемся из коридора всплескам и стонам понял, что Таньку рвет. Рядом с ней сидела медсестра с первого поста. Светлана была старше дочери года на три, в стационаре работала недавно, но в отличие от других медсестер за больными ухаживала, будто за детьми.

— Тошнит ее, — словно провинившаяся школьница, доложила она Валерию Константиновичу. — И понос...

Это понял уже и сам Журавлев. Подошла Валентина:

— Там вас в кардиологию срочно вызывают, сердечнику плохо.

— Сходи, посмотри, что случилось, — попросил Журавлев Валентину. Он уже твердо решил, что, пока Танька не придет в себя, он от нее не отойдет.

— У больного, кажется, приступ стенокардии, — возвратилась Валентина. — Его вчера вечером в предынфарктном состоянии привезли на скорой.

— Сделайте ему сустак или курантил, черт возьми! — злился Журавлев. Дочери плохо! В первую очередь он будет спасать ее... Когда-то он точно так же спасал жену. Она напивалась до бесчувствия. Каждую получку. И он ушел из семьи. Теперь вот дочь...

— Позвоните заведующему отделением, если это настолько серьезно, — оправдывался Журавлев. — Я ведь не ахти какой специалист по сердечно-сосудистым...

Но все же подумал: надо бы сходить, посмотреть, что там. Наверное, лежит какой-нибудь пенсионер, вроде Евдокимова, шевельнуться боится, а через два дня очухается — начнет жалобы строчить! Подумаешь: приступ стенокардии. Сколько раз он был свидетелем, когда у мужиков, крепких, рослых, не чета его дочери, от алкогольного отравления начинались судороги, коллапс и спасти их уже не удавалось.

Смерть наступала в результате паралича дыхательного центра. Так ведь то мужики, привыкшие пить все, что горит, а тут совсем еще девочка, ребенок.

— Валерий Константинович, заведующий кардиологией еще неделю назад уехал на семинар, — не уходила Валентина. — У Никонова нет домашнего телефона, а Серегина в декретном отпуске.

— Пусть съездят за Никоновым на машине скорой помощи, ведь это его палата, — не понимал настойчивости Валентины Журавлев. — Ну, что у них там за пожар?..

Он резко зашагал к выходу. Из шестой палаты показался Коля Капустин:

— Валерий Константинович, ну, как там эта алкашка? Оклемалась?

— Ложитесь спать, больной! — строго предупредил Журавлев. — Чтобы я вас больше в коридоре не видел!

— Уж и по нужде сходить нельзя?

На ступеньках лестницы Журавлева ожидал сюрприз. Пришла бывшая жена. В сером пальто и мохеровом шарфе вместо шапки, Нина выглядела точно так же, как на суде во время развода. Лицо одутловатое, припудренное, губы накрашены, вместо глаз узкие щелочки. Голос грубый, прокуренный:

— Что с Татьяной? Как она, не обморозилась? Ночью минус двадцать обещали...

Валерий Константинович попытался пройти мимо, но Нина задержала его рукой:

— Журавлев, ты скотина или человек?

— Мне, к сожалению, некогда, в кардиологии с больным плохо.

— У него, видите ли, с больным плохо, — усмехнулась Нина. — Дочь на глазах сдохнет, а у него «с больным плохо»! Журавлев, не будь сволочью!

— Тебе не стыдно? — начал было он, но понял, что говорить с женой сейчас не имело смысла. — Яблочко от яблоньки далеко не укатится. Поздравляю!

— Журавлев, ты на что намекаешь? — От Нины пахло винным перегаром. — Я пью на свои, а Таньку угостили черные...

«Правильно он сделал, что ушел от этой взбалмошной женщины», — подумал Валерий Константинович. Даже в воспоминаниях у него не сохранилось о ней ничего доброго.

Получив свободу от семейных уз, Нина покуролесила и почудила вдоволь. Квартира превратилась в притон для ханыг и бичей. И там росла Татьяна... Но ни одно из походов жены не причинило Журавлеву такой боли, как сегодняшняя встреча с дочерью.

О том, что Татьяна погуливает не хуже матери, он догадывался. Как-то в больницу попал ее ровесник, порассказал кое-что, но Журавлев, если честно признаться, не поверил тогда... Сегодня он увидел все своими глазами. С дочерью нужно срочно поговорить, вот только придет в себя... Дура, не соображает, что делает.

На лестнице показалась Валентина:

— Доктор Никонов приехал. — Мгновенно, как могут только соперницы, она оценила их randevу. — Я буду в кардиологии.

— Ладно, Валентина Сергеевна, я сейчас иду.

— Подстилка, что ли, твоя? — выждав, пока Валентина спустится на второй этаж, с насмешкой спросила Нина.

— Все. Разговор окончен! — заторопился Журавлев. — Меня ждут.

— Подождут. — Нина собиралась устроить скандал. — Ты мне скажи: можно Татьяне больничный выдать?

— С диагнозом «алкогольное отравление»?

— Ты че, Журавлев?! Придумай что-нибудь поумнее.

— За кого ты меня принимаешь?

— Смотри, какой стал! Не подступись, — засмеялась Нина, но он уже не слушал ее. Из кардиологического отделения вышел на лестницу покурить доктор Никонов. Вид у него был неважный, и, предчувствуя недоброе, Журавлев шагнул ему навстречу:

— Что?

— Труба! Инфаркт миокарда. — Никонов развел руками. — Потеряли человека. Если есть время, прошу присутствовать на вскрытии.

Валерия Константиновича качнуло в сторону, но он удержался за перила.

...Когда Татьяне исполнилось шестнадцать лет, Журавлев взял ее с собой в Прибалтику. С женой они находились в разводе, а дочь ему — не чужая, родной человек. Они поехали на Рижское взморье, в Юрмалу. Сняли недорогую комнату и целыми днями пропадали на пляже. Плавала Татьяна никуда негодно, далеко в воду заходить боялась и, где ее не хватало, повисала у отца на шее. Журавлев тоже был пловцом неважным, но порой мужское самолюбие заставляло его заходить где поглубже. И вот как-то, отплыв с дочерью подальше от берега, он оступился, скрылся под водой, а когда попытался всплыть на поверхность, Танька тут же схватила его за голову и погрузила в глубину. На виду у всего пляжа они тонули. Ощущение страха от нелепой смерти захлестнуло тогда его. Глотая воду, Журавлев чудом сумел вырваться из судорожных объятий дочери, чем спас и себя, и ее.

Слушая теперь Никонова, он ощутил примерно такое же жуткое состояние.

Больные из терапевтического отделения спускались со своими ложками в столовую на завтрак. Таньки среди них не было, да и раскладушка возле процедурного кабинета пустовала.

— А где больная? — спросил Журавлев у медсестры.

— Домой смоталась, — попросту ответила девушка. — Мать к ней приходила — вместе ушли. Все они такие. Кому же захочется без больничного лежать?

— Конечно... Кому захочется?

В приемном покое Журавлев столкнулся с Валентиной.

— До свидания, Валерий Константинович, — игриво произнесла она.

— До свидания, Валентина Сергеевна!

«Надо бы ее проводить для приличия, — подумал он. — Поговорить, пригласить в ресторан или куда теперь ходят?.. Чувствуется, что женщина симпатизирует, нужно только сделать решительный шаг ей навстречу... Нужно... как-нибудь в другой раз».

И тут он поймал себя на мысли, что добровольно отказывается от Валентины. Не сможет он выйти к ней с предложением руки и сердца. Не тот он уже, что девятнадцать лет назад. На других посмотришь: те и в пятьдесят любого двадцатилетнего за пояс заткнут, не зря говорят, что старый конь борозды не испортит. Журавлев не из таких.

Проводив Валентину взглядом, он засобирался было домой, но вспомнил, что обещал Никонову присутствовать на вскрытии умершего. Каждый смертный случай в стационаре рассматривался в обязательном порядке на врачебной конференции, и Журавлеву, во время дежурства которого это произошло, тоже было бы неплохо знать, в чем дело.

Дверь морга отперта, значит, патологоанатом Миша Костеридзе и доктор Никонов уже там. Ждут его. Но кто бы знал, как не любил Журавлев ходить на вскрытие, где от одного только запаха формалина, которым обычно пропитывают трупы, чтобы они медленнее разлагались, его начинало мутить. Но ничего не поделаешь — надо было идти.

Морг представлял собой одноэтажный кирпичный барак и состоял из кабинета врача, лаборатории, патологоанатомического зала и трупохранилища. Везде убого и примитивно: холодильная камера не работала, вентиляторы гремяли, как консервные банки, каталок — и тех

не хватало, так что носилки с трупами лежали прямо на полу и с непривычки о них можно было запнуться.

Внимательно глядя под ноги, Журавлев осторожно прошел в зал, где Миша Костеридзе, облачившись в зеленый резиновый фартук и тонкие хирургические перчатки, уже стоял у изголовья умершего. Доктор Никонов — рядом. Подойдя к ним, Журавлев приготовился увидеть посиневшее старческое тело, но на цинковом столе лежал труп мужчины лет двадцати пяти. Тело его еще не успело окостенеть и было податливым.

— Ну что, погнали? — пошутил из-под марлевой повязки Костеридзе и профессионально забросил голову умершего на специальную деревянную подставку. Затем ловко сделал круговой надрез на затылке трупа и, подцепив за кожу, с треском стал отдирать ее, обнажая кости черепа... Потом разрезом от подбородка до лобка вскрыл полость груди и живота, извлек внутренности...

Валерию Константиновичу сделалось плохо, и, ничего не говоря, он вышел во двор больницы.

**БОРИСОВ И ЕГО ЖЕНА
СОНЕЧКА**

Семь лет жил Борисов с Сонечкой, и все семь лет, глядя на них со стороны, можно было подумать, что живут они душа в душу. На самом же деле ругались супруги постоянно, словно жить без этого не могли. Когда им дали комнату в семейном общежитии, Сонечка до слез не хотела уходить от матери, и Борисов едва настоял на переезде. Потом, когда он с отпускных купил телевизор черно-белого изображения, Сонечка высказала недовольство и намекнула, что неплохо было бы цветной взять:

— Лучше «Электрон», — поджав губки, упрекала она. — У Кузьминых цветной, а мы, получается, хуже.

Кузьмины — это Сонечкины знакомые. С Машей Кузьминой она со школы дружит, и работают они в одном цеху кондитерской фабрики. «Сладкие женщины», как прозвали подруг бывшие одноклассники.

Глядя на взаимоотношения между Сонечкой и Машей, Борисову кажется, что между ними очень много общего. Маша вышла замуж — и Сонечка тут же откликнулась на предложение Борисова. Маша родила девочку — и Сонечка сразу же стала требовать от Борисова ребенка. Он был за то, чтобы немного обождать. Говорил что, мол, лучше сначала пожить для себя, квартиру заработать, мебель купить. Ребенок никуда не денется, всему свое время. Но Сонечка хотела девочку. Сонечка плакала, когда оставалась одна. Назло Борисову она купила большую гэдээровскую куклу и нянчилась с ней, как с ребенком.

Через год у них родилась Светка. Борисов хотел назвать девочку Таней. Просто так, без задней мысли. Имя Таня ему слишком нравилось, но Сонечка сказала, что ни за что в жизни не назовет ребенка именем бывшей любовницы мужа. Она даже хуже сказала:

— Пора бы уже забывать имена своих шлюх.

И Борисов не выдержал, ушел к своей матери и даже не хотел ехать за Сонечкой в родильный дом. Обиделся. Пусть бы говорила, что хотела, но зачем выдумывать то, чего не было?

До службы в армии Борисову было не до девочек — в техникуме учился. Потом попал по распределению в такую глухомань, что прекрасную половину человечества видел только по телевизору. В армии служить пришлось на Крайнем Севере. Ракетные войска. Белые медведи встречались там чаще, чем ограниченный контингент офицерских жен. А со службы пришел — Сонечку встретил.

Ей тогда двадцатый год шел. Губки бантиком. Волосы до плеч. Бровки словно нарисованы: полосочка тоненькая — и только. Это потом Борисов узнал, что обыкновенные были бровки, только Сонечка их рейсфедером немного поддергала, и реснички длинные тоже поднавила тушью.

В родильный дом за женой он все же пошел, купил огромный букет гвоздик, бутылку коньяку и коробку шоколадных конфет для медперсонала. Взял такси — и напрямик к роддому. А там уже Кузьмины. Видимо, Сонечка через маму записку Кузьминым послала, где дала понять, что Борисов бросил ее на произвол судьбы.

Сонечка после того раза месяца два на Борисова дулась и к себе не подпускала. Сидит целый день возле детской кроватки и все со Светкой гугукает, а на него — ноль внимания.

Следующий скандал произошел из-за коляски. Мать Борисова, желая порадовать сноху, купила для новорожденной коляску, но не угодила цветом.

— Не надо мне ваших подарков, сами в состоянии купить, — ответила неблагодарная Сонечка.

Борисов занял в споре сторону матери. Не все ли равно, кто коляску купил? Ведь не из комиссионки принесли, не у соседей в сарае взяли! Новенькая, голубенькая, девяносто семь рублей. Чего еще? Но Сонечка сказала, что голубые коляски только мальчикам покупают, а для девочки нужно красную, как у Кузьминых, или, в крайнем случае, желтую. Сонечка поджимала губки и не пускала Борисова в постель. Кто знает, чем бы закончилось это противостояние, если бы у Борисова на работе у одной сотрудницы не родился сын. Ей импортную колясочку и продали, а купили отечественную, желтую, за семьдесят два рубля. Однако мать Борисова причуд снохи не одобрила и открытым текстом высказала сыну все, что думала:

— Не пара она тебе, сынок! Капризная слишком, намаешься с ней, а жить все равно не будете, помяни мое слово.

И еще добавила, что ее ноги у них в доме не будет. К тому времени молодым как раз дали двухкомнатную квартиру. Жалко было Борисову маму, но и Сонечку жалко. После родов она еще больше похорошела.

— Да, она пока умеет варить один суп из концентратов и делать яичницу, — защищал он жену. — Молодая, что с нее взять? Научится потихонечку, жизнь заставит.

Светка тем временем болела. Глядя на бледный цвет лица дочери, можно было предположить, что все детские болезни только и поджидали ее появления на белый свет. Острые респираторные заболевания приставали по несколько раз. Болели уши. Резались зубы. Она плохо спала по ночам, вернее, совсем не спала. К двум годам стала крепче, но стоило ей перешагнуть порог детских яслей, как на нее тут же свалился стафилококк, и, пока Борисов через знакомых доставал необходимый в таких случаях гамма-глобулин, у Светки началась скарлатина, а потом — ветрянка. Из-за частых карантинных и больничных листов по уходу за ребенком Сонечка никак не могла выйти на работу. Бессонные ночи доканали ее, она сбросила десять килограммов, осунулась.

С деньгами становилось настолько туго, что перед получкой они не знали, у кого перехватить в долг. И тогда глава семьи устроился ночным сторожем в автохозяйство. Дежурства выпадали через ночь, и вскоре Борисов стал похож на выжатый лимон. Он заработал язвенную болезнь желудка, полтора месяца провел в больнице, и профком выделил ему бесплатную путевку на курорт. Борисов решил ехать — не каждый год бесплатные путевки выделяют, тем более в июле месяце.

2

Ехать предстояло через всю страну, в другую республику, в город с таким странным названием, что сразу и не выговоришь: Друскининкай. Но Сонечка сказала:

— Поезжай, Борисов! Здоровье не купишь. Лечись, поправляйся, а мы со Светкой будем писать тебе письма.

После таких слов ему даже плакать захотелось.

В курортном городе Борисова встретили на высшем уровне. К железнодорожному вокзалу подкатил «Икарус», и отдыхающие с комфортом были доставлены к десятиэтажному, из стекла и бетона, зданию санатория. Не успел Борисов основательно разместиться в номере, как в ком-

нату вошел его будущий сосед, загорелый молодцеватый грузин в сером костюме и белых туфлях.

— Викентий, — протянул он руку Борису. — Будем знакомы!

От Викентия пахло одеколоном, чачей и потом. Он поставил затянутый ремнями чемодан возле своей кровати, повесил костюм на плечики, открыл окно и напарился в душевую.

Вечером он принес из прокатного пункта цветной телевизор и магнитофон. Жизнь на курорте обещала быть веселой. Так оно и вышло.

Пока Борисов старательно посещал лечебную гимнастику или грязелечебницу, любвеобильный Викентий приводил в номер какую-нибудь отдыхающую.

— Неужели тебе не совестно? Ведь ты женатый человек, отец двоих детей! — стыдил его Борисов.

— Вай, вай, вай, только не надо... — смеялся Викентий. — Не надо мне читать мораль. Я это уже слышал в прошлый раз. Ты посмотри, сколько вокруг красивых женщин, и сделай вывод. Ведь даже доктора рекомендуют иногда...

Женщин в санатории было много. В основном холостых или разведенных. По вечерам мужчины рассказывали им сальные анекдотики, а те, хихикая, намекали, что зябнут по ночам, потому что их некому погреть. Желавшие погреться собирались в холле, тут же включали магнитофон, начинались танцы. А дальше...

Исключением был только верный своей жене Борисов, который все свободное от процедур время проводил в читальном зале. Он и Сонечке писал, что целыми днями просиживает в библиотеке, что в санатории скучно, на улице моросит дождь, пойти некуда. Он настолько уверил в этом Сонечку, что та искренне написала, чтобы он в таком случае возвращался домой. Борисов и сам не раз думал об этом. Лечение впрок не шло. Дома он чувствовал себя лучше. И он уехал бы раньше, но все упиралось в билет на обратную дорогу, который он купил заранее.

3

Через две недели Борисов понял, что мешает Викентию. Если бы не Борисов, то сосед развернулся на полную мощь и, как говорится, давал стране угля, хоть мелкого, но в достатке. В конце концов и у Викентия лопнуло

терпение. Как-то он познакомился в ресторане с совсем еще юной дамой по имени Лина, пригласил в гости и стал намекать Борису, чтобы тот немного проветрился в холле:

— Ты сегодня почту смотрел? — спросил он. — Тебе там, кажется, письмо.

Борисов накинул рубашку и в брюках и шлепках на босу ногу отправился на первый этаж. Сонечка уже два дня не присылала ему никаких вестей, и он не знал, что подумать. Однако в его ячейке Сонечкиного письма не оказалось. Он просмотрел письма в соседних ячейках — могли спутать, положить не туда, — но и там ничего не было. Что за чертовщина? Сонечкины письма он узнавал моментально. По рисунку на конверте. По почерку. Он еще раз пересмотрел всю скопившуюся в ячейках корреспонденцию, но письма от Сонечки не нашлось. И тогда Борисов понял, что Викентий обманул его, чтобы выдворить из номера. На душе сделалось неприятно. Под насмешливым взглядом швейцара, обрюзгшего старика, Борисов, не дожидаясь лифта, отправился на седьмой этаж.

В длинном коридоре, устланном мягкой ковровой дорожкой, стояла такая тишина, что было слышно, как гудят люминисцентные светильники.

Борисов подошел к своему номеру, толкнул дверь — заперто. Этого и следовало ожидать. Третий лишний. Он прошел в холл, постоял возле открытого окна, затем вернулся к своей комнате, дрожащей рукой сунул ключ в замочную скважину, затаенно повернул и резко распахнул дверь. Коридорный свет, словно луч прожектора, ворвался в темноту. Залепив Борису звонкую пощечину, Лина босиком, держа туфли и платье в руках, выскочила в коридор.

С тех пор Викентий никого в номер не приводил, правда, и сам ночевал крайне редко.

И вот настал день их расставания. Викентий с насмешкой смотрел на суетливые сборы Борисова.

— Многих я видел за свою жизнь чудаков, — говорил он, — но такого, как ты — впервые.

— Я такого, как ты, тоже встретил первый и, надеюсь, последний раз в жизни, — не уступал Борисов.

— Только ты не обижайся, я ведь в хорошем смысле.

— Я и не обижаюсь. Вот еще, была нужда...

Он знал, что завтра поезд помчит его через всю страну

в столицу, где он сделает пересадку, и покатит дальше, навстречу Сонечке.

— Тогда давай расстанемся друзьями, выпьем на брудершафт?

Борисов укладывал вещи в чемодан. Пить и целоваться с Викентием ему не хотелось. Обойдется. Пусть со своими шлюхами целуется. Но Викентий не отставал:

— Зря ты на меня, Борисов, сердисься. Что я тебе плохого сделал?

Слово за слово Викентий уговорил Борисова сесть за стол и пригубить стопку «Апшерона». Потом они обменялись адресами, как бы приглашая друг друга в гости. Жизнь казалась прекрасной, и самым прекрасным в ней для Борисова была предстоящая встреча с Сонечкой.

4

Дома его ждали. Несмотря на дождь, Сонечка со Светкой пришли на железнодорожную станцию. На перроне они стояли мокрые, озябшие, но пахнущие домашним теплом и уютом. Борисову пришлось брать такси. Радость встречи переполняла, но радоваться пришлось недолго.

Как-то вечером Сонечка пришла домой сама не своя. Лицо бледное, губы поджаты, глаза заплаканы. Борисов попробовал обнять ее, расспросить, в чем дело, но Сонечка увернулась и бросила ему в лицо скомканное письмо. Разгладив измятые листки из школьной тетради, он прочитал адресованное ему любовное послание, подписанное... Линой. Борисов даже не мог сразу вспомнить, кто это. Неровным почерком со всеми подробностями описывалось их будто бы имевшее место курортное randevu. Сначала Борисов подумал, что это, наверное, Викентий дал его адрес вместо своего, но, посмотрев почтовый штампель на конверте, понял, что любовное послание дело рук самого Викентия. И тогда Борисову не оставалось ничего другого, как рассказать Сонечке всю правду. Но она не поверила. Она уже побывала с письмом у Маши Кузьминой, которая находилась в глубоком трансе по причине ухода мужа.

Из Сонечкиного монолога стало ясно, что, читая письмо, подружки немного поплакали и, окрестив всех мужиков без исключения кобелями и подонками, решили мстить им. Каким образом они собирались это делать, Сонечка не говорила.

— Не одному тебе на курортах шлаться, — накладывая на ресницы тушь, говорила Сонечка. — Тоже мне Дон Жуан выискался. А я, дура, поверила ему, что он лечиться поехал. Правильно мне Маша рассказывала, что на курорты одни потаскухи ездят. Спишутся заранее два подонка, чтобы в один санаторий попасть, и развлекаются там. И где ты только разнюхал про эту Лину?

— Не было у меня никакой Лины! — орал Борисов.

— Сам говорил, что она тебе пощечину залепила... Никто за язык не тянул.

— Так она к Викентию приходила...

— К Викентию приходила, а пощечину тебе дала — за что, спрашивается?

— Может, она подумала, что я тоже пришел с ней переспать?..

— Заврался ты, но ничего, мы с Машей тоже найдем, с кем переспать. Своего не упустим. Посмотри на себя в зеркало — кому ты нужен?..

Свои комплексы Борисов знал и без зеркала и, как последним средством, пригрозил Сонечке разводом и жалкими алиментами.

— Нужны мне твои алименты, как собаке пятая нога. Подавись ты ими! Разве уважающая себя женщина будет жить с мужчиной, который, смешно сказать, зарабатывает сто двадцать рублей в месяц?

Сонечка еще не умела врать, и тем страшнее и явственнее становилась ее угроза измены.

— Пока не отомщу — не успокоюсь! — кричала она.

С минуты на минуту Борисов ждал инфаркта или гипертонического криза, но ни того, ни другого не случилось, и, чтобы чувствовать себя победителем, а не побежденным, он хлопнул дверью и ушел к маме.

«Прибежит, — успокаивал он себя. — Сегодня же прибежит. Семь лет прожили, и вдруг на тебе, какие-то капризы пошли!»

Но вечером Сонечка не пришла. Не появилась она и на другой день. И на третий. От знакомых Борисов узнал, что ее видели с Машей Кузьминой в ресторане. И тогда он решил ее убить. Взял складной нож и отправился домой.

Чужими мужчинами в квартире не пахло, и следов их пребывания не чувствовалось. Сонечка появилась, как и положено, без пятнадцати шесть. С работы она зашла в детсад, за Светкой, потом в магазин. На ней было новое

джинсовое платье и шикарные венгерские сабо. Борисов обалдел от того запаха косметики, который внесла с собой Сонечка, и, сжимая в кармане нож, строго спросил:

— Где ты была?

В ответ на это Сонечка и глазом не повела. Она презирала его и всем своим поведением старалась это продемонстрировать.

— Где ты была? Я тебя спрашиваю. Я пока тебе еще муж...

— Разве что пока! — дразнила его Сонечка.

— Откуда у тебя это платье?

— А что? — обернулась Сонечка. Она уже была такой чужой и далекой, что Борисову опять хотелось плакать.

— Откуда у тебя деньги?

— Места надо знать, — Сонечка улыбалась, ей было весело. Она шутила. Глаза ее смеялись. — Ты зачем пришел? Чтобы убить меня? Убивай, только не при ребенке...

— Квартира общая, имею полное право приходить...

— Конечно, имеешь. Хотя, если бы ты был настоящим мужчиной, то забрал свои вещи и оставил нас со Светкой в покое! Но ты не Кузьмин, ты будешь претендовать на жилплощадь, требовать размена, ходить по судам...

— А с какой стати я должен уходить? Неужели из-за того дурацкого письма?

— Не надо оправдываться, Борисов. Это напрасно, — смеялась Сонечка. — Стань настоящим мужчиной! Кстати, заberi свое обручальное кольцо — свое я уже сдала в скупку...

— Как в скупку? — поперхнулся Борисов.

— Очень просто, как все. Нужны были деньги — и сдала. Зачем мне оно, если я теперь свободная женщина?

Борисов жил у матери. Он изменился. Осунулся. Перестал бриться и отрастил бороду. Сонечка к нему не приходила.

СОДЕРЖАНИЕ

По статье 117-й	3
Эффект присутствия	35
На изломе	53
Ночное дежурство	71
Борисов и его жена Сонечка	85

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас направлять свои отзывы о книге, ее содержании автору по адресу:
152120, Ярославская область, Ростовский район, пос. Ишня, отделение связи. До востребования. Гонозову О. С.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Гонозов Олег Сергеевич

СУДЬБЫ НА ВЕТРУ

Редактор О. Н. Скибинская

Художник О. С. Гонозов

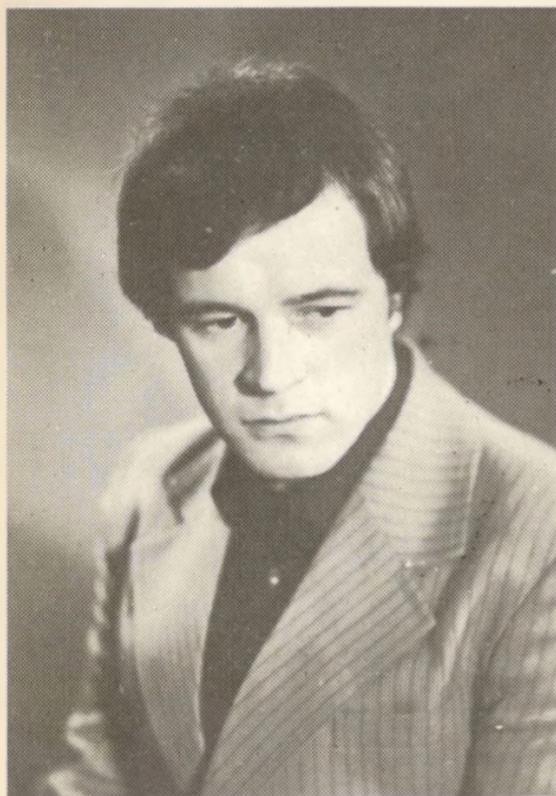
Художественный и технический редактор В. А. Кичигина

Корректор Т. В. Чупина

Сдано в набор 18.09.90. Подписано в печать 10.01.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Усл. кр.-отт. 5,25. Усл. печ. л. 5,04.
Уч. изд. л. 4,6. Тираж 5000 экз. Заказ 1264. Цена 2 рубля.

Верхне-Волжское книжное издательство Министерства печати
и массовой информации РСФСР.
150000, г. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Олег Гонозов родился в 1956 году в городе Ярославле, окончил Московский государственный институт культуры. Работал проводником поездов дальнего следования, художественным руководителем горпарка, инструктором горкома ВЛКСМ, заведующим молодежным отделом редакции газеты.

Жизненный опыт подсказал ему непривычный, на первый взгляд, выбор героев для своих рассказов, написанных в разное время: парень, попавший в колонию за изнасилование, женщина легкого поведения, комсомольский работник, не имеющий морального права руководить молодежью... О. Гонозов пытается исследовать ситуации сложные, порой драматические и даже жестокие.

Рассказы О. Гонозова печатались в коллективных сборниках Верхне-Волжского книжного издательства «Берега» (1982 г.) и «Молодые ярославцы» (1988 г.). Он участник нескольких областных совещаний молодых литераторов.

«Судьбы на ветру» — первая книга молодого автора.